Феликс Лев
ГОРОД, КОТОРЫЙ БУДЕТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Для дошкольного возраста.
Художник Юрий Соломонович Гершкович.

- Феликс Григорьевич Лев
  - ○
  - ○ В гостях у моря
    - ■ Приехали
    - ■
    - ■ На тоне
    - ■ Про тюленя
  - ○ Город, который будет
    - ■ Как нашли гору
    - ■ На плоту
    - ■
    - ■
    - ■ Яков-керка
    - ■ Тяжелая земля
    - ■ Болван-гора
    - ■ Лешина миска
    - ■ Чукай
      - ■ С таким не пропадёшь
      - ■ Вкусная сгущёнка
      - ■ Пропал карандаш
      - ■ Чужие собаки
      - ■ Возле костра
      - ■ Охотник в лодке
    - ■ Лосиные рога
    - ■ Подземное море
    - ■ Портфель
    - ■ Город, который будет
  - ○ Мы плывём на самоходке
  - ○ Как строили метро
    - ■ На земле
    - ■ Разговоры
    - ■ Дыму много — толку мало
    - ■ Туннель
    - ■ Под землей, под Москвой
    - ■ Как победили плывун
    - ■ Голубые поезда
  - ○

Феликс Григорьевич Лев
Город, который будет
(сборник)

Феликс Лев

ГОРОД, КОТОРЫЙ БУДЕТ

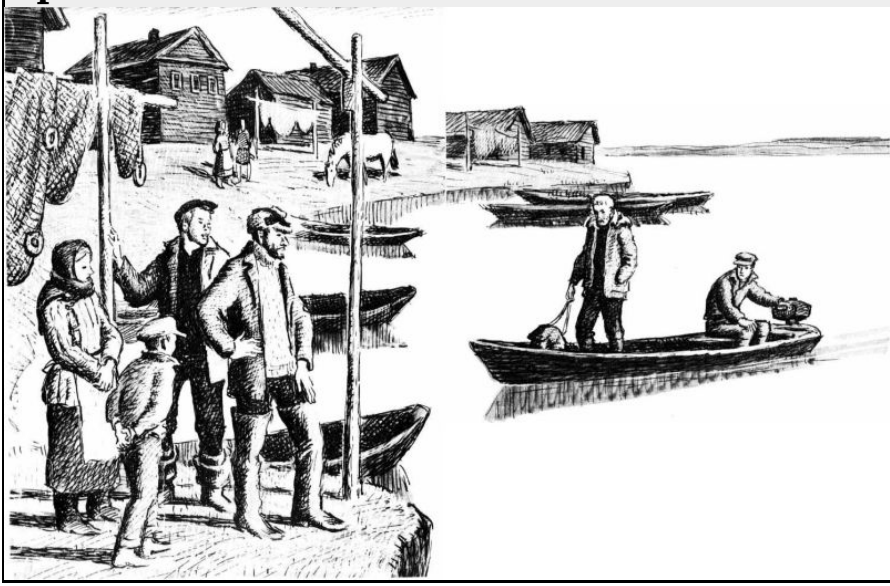
РАССКАЗЫ

Рисунки Ю. Гершковича

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1982

В гостях у моря

Приехали



Я сел в поезд и поехал на Север, на Белое море. Ехал день, ехал ночь и ещё день и ещё ночь. Ночью спал, а днём видел в окошке лес, и много озёр, и повсюду огромные серые валуны-камни.

Потом я пересел в моторную лодку и поплыл по реке. Вода в реке была синяя и холодная, а по берегу тоже стоял густой лес, и нигде ни деревни, ни домика. «Где же люди живут?» — подумал я.

— Скоро море, — сказал мне товарищ, — там будет деревня.

А река становилась всё шире, берега уже еле заметны.

— Это море? — спросил я.

— Нет, это только губа.

Я не понял: что ещё за губа? Может, шутит товарищ?.. Далеко-далеко у скалы я заметил избушку.

— Это деревня? — спросил я.

— Нет ещё, это тоня.

Я опять промолчал: какая такая Тоня?..

Наконец, я увидел у самой воды очень длинный сарай. Я тоже захотел пошутить и сказал:

— А это Вася?

— Нет, — улыбнулся товарищ, — это рыбные склады. Рыбу возят сюда рыбаки. А деревня тут рядом, повыше.

И вот я увидел на берегу много изб. Они были высокие, прочные и глядели окошками на море. И ещё я увидел — на

каждом заборе висели рыбацкие сети. А возле каждого дома причалена лодка. Столько лодок, что даже не видно воды!

Выбежала на берег собака с мохнатым хвостом, увидала нас, залаяла. Вышел из ближней избы человек в резиновых сапогах, прогнал собаку. А за ним и другой вышел, и третий…

Приехали!

А губа — мне потом объяснили — это просто морской залив, бухточка. Тоня — место, где ловят рыбу. Там избушка на берегу, в ней рыбаки ночуют.

Морская трава

Я от своих приятелей-моряков много наслышался про вредную эту траву — водоросли. Запутается в водорослях корабельный винт, намотает на себя целую копну — корабль и ни с места. Сколько раз приходилось прямо посреди моря останавливать машину. Водолазы надевали скафандры, брали с собой острые большие ножи и целый день чистили винт. А ещё, говорят, есть в море такие места, где вовсе из-за травы не пройти — столько её разрослось. Капитаны знают эти места и обходят их подальше.

И вот я сам увидел эту траву в деревне у Белого моря. Целыми кучами лежала она на берегу, на плоских больших камнях — зелёная, бурая. Солнце её припекало, шевелил ветер.

И я подумал: вот хорошо, без неё в море станет свободней! Одного только не мог понять: для чего это траву на камнях разложили? А спросить не решался: ещё смеяться начнут. Здесь, наверное, даже школьники и те знают. Вон они тащат с моря большущие вороха.

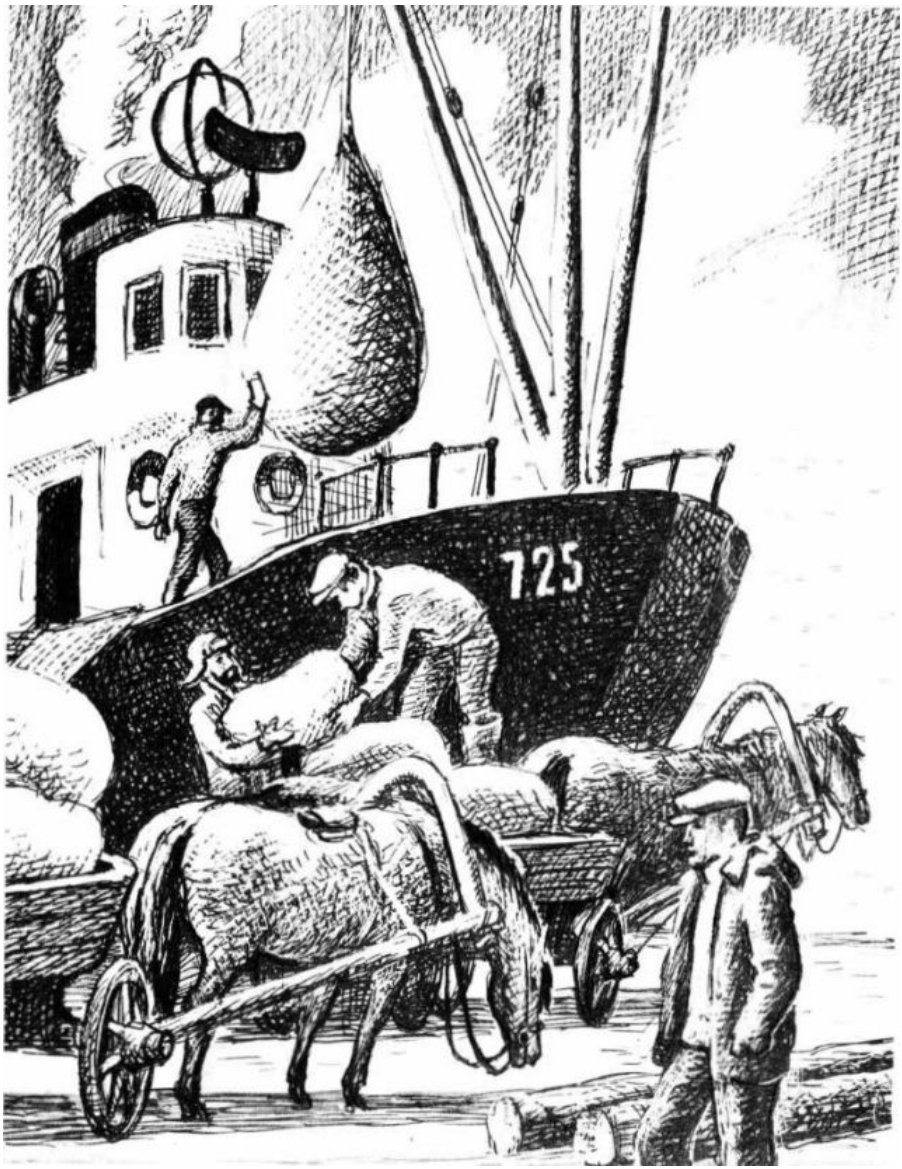
Ночью был шторм, и море выбросило на берег новые кучи травы. А утром, когда ветер утих, все в деревне пошли её собирать. И я пошёл со всеми. Каких только водорослей тут не было: одни — как лопухи, здесь их так и называют лапугой. Другие — совсем как волосы, серые, длинные. А ещё — с такими пузырьками на листочках, в пузырьках воздух: нажмёшь на

пузырёк — он и выстрелит.

Очень это мальчишкам нравилось.

Но для чего всё-таки траву собирают? Не для того же, чтобы мальчишки забавлялись!..

Однажды вышел я утром из дома, гляжу — приплыл пароход, стал на якорь напротив деревни. И на него наши водоросли грузят тюками. Полный пароход водорослей!



Не утерпел я, спросил потихоньку у какого-то старичка:

— Куда это их везут? Для чего?

А старичок мне и говорит:

— Как для чего?! Для многого… Из этих вот бурых — йод для аптеки получат. Из тех вон лопухов — клей. А пастилу, мармелад ел?..

Я удивился:

— Как, даже пастилу из водорослей делают?

Ну про то, что йод из них получают, я слышал раньше. Правда, не подумал, что вот из этих самых. А уж про сладкую пастилу — ни за что бы не догадался.

После, когда взял я у хозяина лодку — прогуляться вдоль берега, — сунул на всякий случай под скамейку грабли с длинной верёвкой: попадётся мне эта полезная трава, я её граблями!

Вода в море зелёная, но прозрачная, всё сквозь неё видно.

Перегнулся я через борт и вижу: там, на дне, этих водорослей — целый лес!

Я сразу грабли за борт, стал за верёвку дёргать, доставать водоросли. Поболтаю верёвкой в воде, отъеду немного и тяну. Стряхну водоросли в лодку и снова кидаю грабли. Очень уж хорошо у меня получалось.

Только вдруг слышу: кричат с берега. Кажется — мне, а что — не разберу. Гляжу, в лодку сели, плывут и руками машут.

— Кончай скорей, — кричат, — а то рыбаки ругаются!..

Удивился тут я: ведь я же морскую траву собираю!

Оказалось, траву эту не всегда можно рвать. Ведь в ней рыба икру мечет, мальки здесь выводятся. Не останется в море травы — рыбы вовсе не станет. Вон оно что!

Пригляделся я: а там, в зелёной воде, среди водорослей, плавают целые стайки.

Бросил я грабли с досады. Вот так, думаю, отличился! Хотел было выкинуть водоросли обратно в море, а мне говорят:

— Чего ж их выкидывать: им теперь всё равно не расти. Только больше не рви.

«Нет уж, — думаю, — теперь я не то что морскую, простую траву рвать не буду». А ту, что уже сорвал, я на берег привёз. Один лист взял себе потом на память. Вложил в толстую книгу между страниц.

Как-то раз зимой, дома, раскрыл я книгу, а из неё выпала пожелтевшая, старая водоросль, совсем сухая, но морем всё ещё пахнет.

Я лизнул её осторожно: и вовсе она не сладкая, а солёная, как морская вода.

На тоне

Мы жили в рыбачьей избушке на тоне, у самой скалы. Эта скала, как большая гора, нависала, загораживала избушку. С берега дует ветер, а здесь, под скалой, всегда спокойно и тихо, очень уютно.

Много у рыбаков на тоне работы. Рано утром, чуть свет, едут в больших лодках ловушки осматривать, новые ставить. Если ночью был ветер и волны, в ловушки набивается много травы и морской тины. Приходится вытаскивать сети, чистить — грязную сеть рыба сразу заметит и уплывёт.

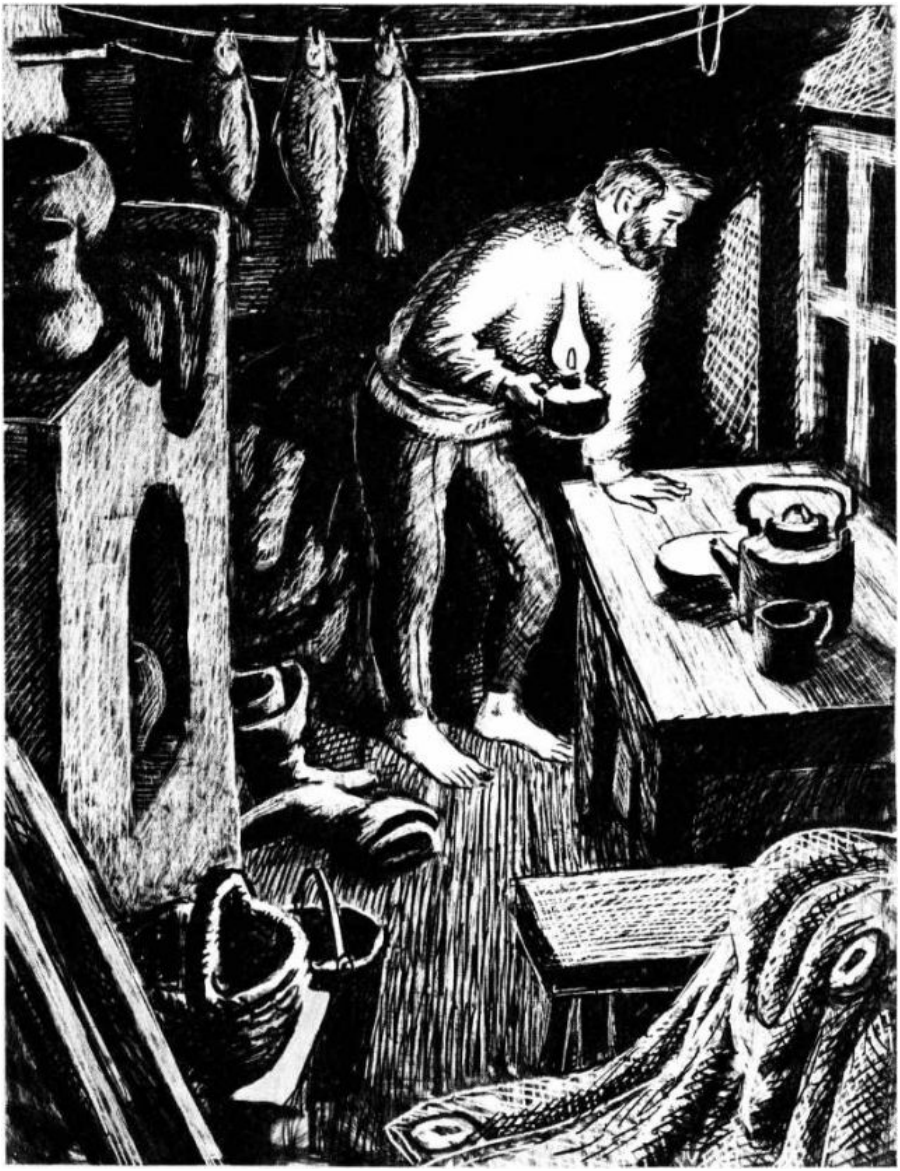
С утра до вечера рыбаки в море. Бывает, даже обед готовят прямо посреди лодки, на камушке: разведут костёр и варят уху. За день устанут они, продрогнут, и так хорошо возвращаться в избушку, под скалу!

На этой скале, на самой вершине, росла сосна. Я и раньше видел издали вот такие одинокие сосны на скалах. Всё думал: и как они только держатся на голом камне? Кажется, подуй посильней ветер — свалит дерево.

Сосна, что росла над избушкой, была высокая — с трёхэтажный дом. Далеко с моря было её заметно, и служила она рыбакам вместо маяка. Только сосна завиднеется — знают, скоро берег. И правят прямо на сосну.

Однажды вышел на тоне весь хлеб, и рыбаки решили поехать за хлебом в деревню. К тому же многие из них давно не были дома, соскучились по родным. Они уехали, а я остался. Сам себе рыбки нажарил, чаю попил, у огня посидел. И лёг спать в избе. В полночь проснулся — что такое? — за стеной грохочет, свистит! Протёр глаза. Выглянул в окошко: там всё мутно. Только и видно, как волны о берег швыряет, будто мокрые тряпки. Я сразу догадался: шторм на море!

И вот уже чудится мне, будто море к самой избе подступает. А тут ещё снаружи как рванёт ветер! Что-то там треснуло, что-то мимо окна пролетело и грохнулось об землю. Перепугался я не на шутку: может, сосну на скале своротило? Ну ветрище!.. Подует сильней — разнесёт рыбачью избушку. «И зачем только, — думаю, — я приехал сюда, на это ужасное море?! Сидел бы сейчас у себя в городе, в крепком каменном доме за толстыми стенами, слушал бы по радио последние известия или читал газету».



К утру шторм утих. Только иногда ещё налетал ветер. Я вышел из дому и увидел: возле избы на камнях валялись разбитые доски. У рыбаков сараюшка была, где рыбу держали и снасти, — так вот с неё ночью крышу сорвало.

Глянул на скалу — сосна стоит как ни в чём не бывало.

И сразу мне стало спокойнее. Забрался я на скалу, а там трещина. Прямо из трещины и растёт сосна, а корни — внутри, в скале. Я подумал: вот какая! Если уж сквозь камень она пробилась, ей теперь любой шторм нипочём. И про рыбаков тоже подумал: они бы, наверное, не испугались! Это море научило их

ничего не бояться.

Взял я в сенях топор, доски с земли подбираю — прибиваю на место. Ветер доску отрывает, а я всё равно прибиваю.

Скоро приплыли рыбаки из деревни, привезли свежий хлеб, сахар, соль. Я рассказал им про то, как меня шторм разбудил, а про крышу ничего не стал говорить: она ведь уже на месте была. Взяли рыбаки дрова в сараюшке, пошли топить печь, завтрак готовить. Я тоже проголодался, поставил топор в угол и пошёл завтракать со всеми.

Про тюленя

Зимой Белое море и правда всё белое: лёд кругом, снег и у самого берега и вдалеке. Сверху-то лёд, а под ним всё равно вода. Всё равно рыбаки ловят рыбу и подо льдом.

А по краям больших льдин любят лежать тюлени. Они находят во льдах разводья и трещины и вылезают из воды. За тюленями там охотятся охотники-зверобои.

Но одного тюленя зверобои не трогали: он с рыбаками дружил, был совсем как ручной. Вот что мне про него рассказали.

Жил этот тюлень возле лунки, в которую рыбаки опускали невод. Подъедут они на лошадях — тюлень сразу под лёд и уплывает куда-то. Только уедут — он снова на льду. Рыбаки шутили: он, мол, у нас за сторожа. И правда, другие все лунки замёрзнут, затянутся льдом — приходилось их снова пешнёй пробивать, а та, где тюлень поселился, — всегда чистая. Он в этой лунке купался, чистил её.

Рыбаки люди суровые, работа у них такая: весь день на морозе, на снежном ветру. Ещё и в ледяную воду руками приходится лазить — тяжёлую сеть опускать да обратно вытягивать. А тюлень для них вроде забавы. Только рыбаки подъедут — он вытянет морду и нюхает, как обыкновенная собака. Узнает своих и медленно так, не спеша хлоп-хлоп ластами по льду и в лунку нырнёт. А через минуту опять покажется. Это он так играет. Рыбаки нарочно отвернутся, будто его не замечают, он и вылезет на лёд, чтоб на него обратили внимание. Скучно ему одному.

И рыбаки к своему тюленю привыкли. Всякий раз, когда едут на лов, ещё издали смотрят: там ли тюлень, не уплыл? Заметят, что темнеет на льду, — сразу становятся веселее, смеются.

Рыбаки наловят рыбы и в сани — возвращаться в деревню. А около лунки всегда оставят рыбёшку — для тюленя гостинец.

И вот что однажды случилось. Как-то один из рыбаков захватил на лёд винтовку. Был он ещё новичок, с рыбаками недавно стал ездить. Очень ему хотелось подстрелить живого тюленя, шкуру домой привезти. Видит, лежит возле лунки тюлень. Парень к нему, а тюлень хоть бы что. Подходи да стреляй. Поднял парень винтовку, стал целиться. Вдруг слышит — бегут, кричат:

— Эй ты, что надумал?

— А ну, опусти!

Оглянулся, а это к нему рыбаки подбегают:

— Ты что, глупый совсем, беспонятный?.. Это ведь тюлень не

простой, он ручной. Как же в такого стрелять?..

Чуть ружьё у него не отняли. Парень сам был не рад, стал оправдываться, что это он просто так, пошутить хотел. После выбрал рыбину покрупней и тоже тюленю оставил.

Я спросил рыбака, который мне всё это рассказал: — А где же теперь ваш тюлень?

— Теперь далеко, в океане. Летом тюлени из Белого моря ещё дальше на север уходят. — Потом помолчал и добавил: — Может, к зиме приплывёт, если помнит.

И я подумал: как бы кто опять не стрелял в него, по ошибке.

Город, который будет

Как нашли гору

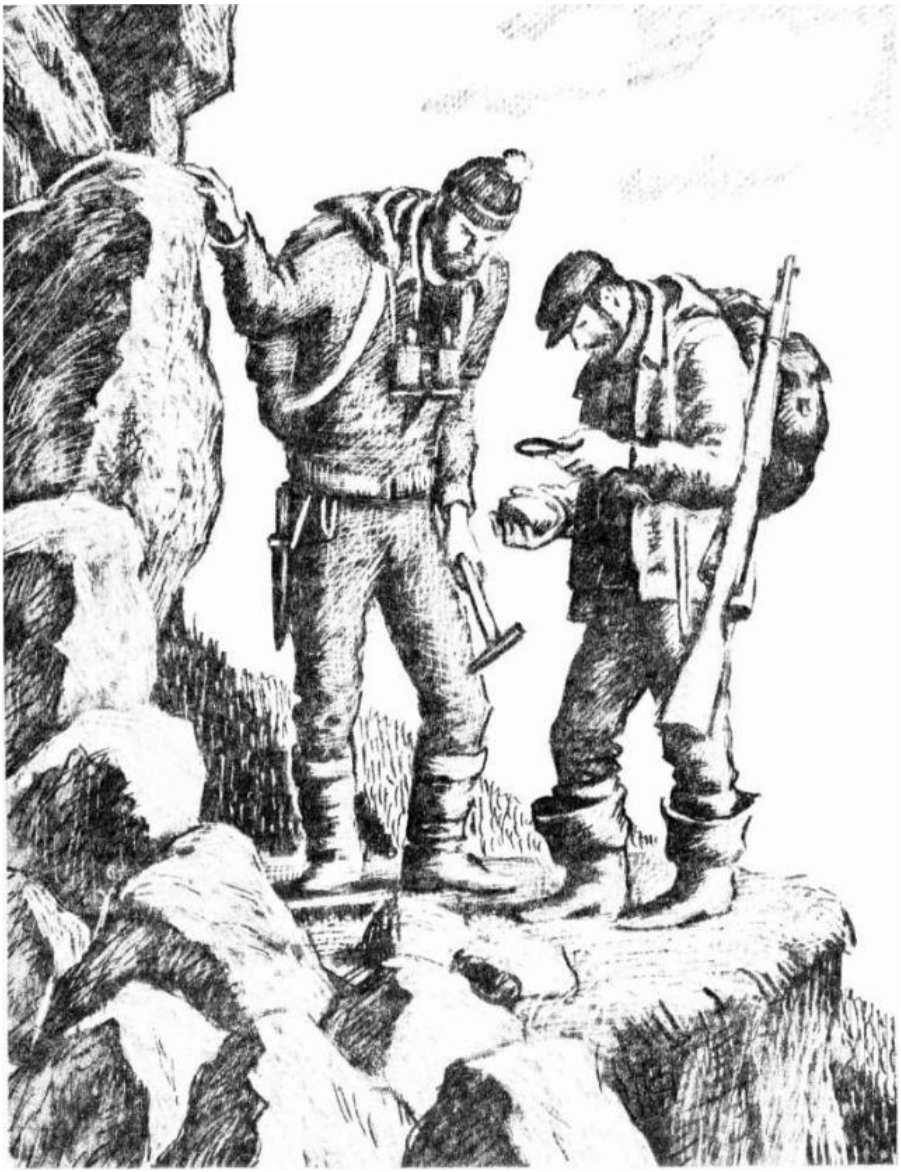
Что же тут особенного — найти гору! Гора — не иголка, отовсюду видно. Разве гору нужно искать?

Всё это так, да только гору нашли не обычную, а магнитную. Внутри она из железа, которое притягивает, будто магнит. И найти её вовсе не просто: с виду она как все другие горы — попробуй отличи! А всё же нашли. Вот как это было.

Работали двое геологов в тайге возле больших гор, искали полезные ископаемые, всякие руды: железо, медь, свинец. Почему ископаемые? Да ведь сколько надо земли ископать, чтобы их найти!

Ходили геологи по лесу с маленькой лопаткой и с геологическим молотком на длинной ручке. Лопаткой копали песок и глину, молотком разбивали камни — всё смотрели, нет ли в земле руды. А ещё был у них компас — круглая коробочка со стрелкой — магнитиком. Один конец у стрелки синий, другой — красный. Синий всегда на север смотрит, а красный — всегда на юг. Вот почему с компасом даже в лесу нельзя заблудиться.

Однажды геологи шли по лесу и сбились с пути. Посмотрели на компас, а он ведёт себя как-то странно: стрелка всё время дрожит и никак не хочет остановиться.



Геологи встревожились: «Неужели компас испортился? Ведь заблудимся без него».

Один из них сказал:

— Сейчас я проверю, не размагнитилась ли стрелка.

Но, как только он поднёс компас к железному молотку, стрелка сразу повернулась навстречу. Значит, не размагнитилась!

Пошли они дальше. Идут, а сами то и дело на компас поглядывают: как бы не обманул! А стрелка то успокоится, то снова забегает в круглой коробочке.

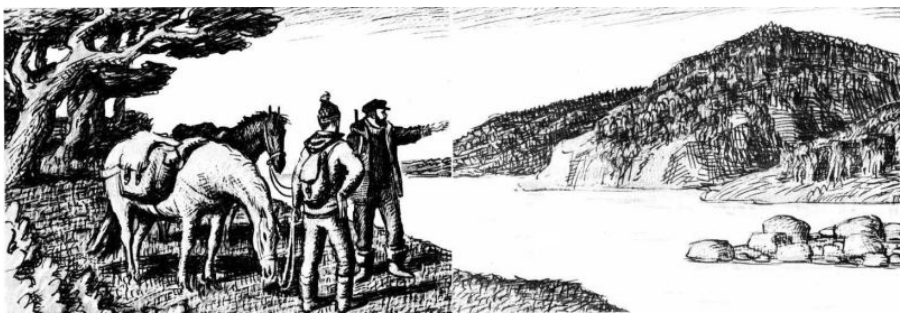
Посмотрели геологи на часы, время — полдень. Солнце

сейчас на юге. А красный конец совсем в другую сторону показывает. Тут один и говорит:

— Я знаю, в чём дело: у меня на ремне пряжка железная, она-то и мешает стрелке.

Снял он пряжку с ремня, закинул в кусты подальше. А стрелка всё равно глядит туда же, куда и глядела. Что за удивительный случай? Неспроста это! Значит, стрелку что-то притягивает, решили геологи.

Вышли они к реке, на открытое место. Стали осматриваться. Позади — лес, впереди — река. А за рекой — гора виднеется. И стрелка синим концом упирается прямо в гору. Так вот оно в чём дело!



Переправились геологи через реку. Стали гору кругом обходить. С какой стороны ни зайдут, стрелка всё к горе поворачивает. Вот, значит, что́ её притягивает, — гора!

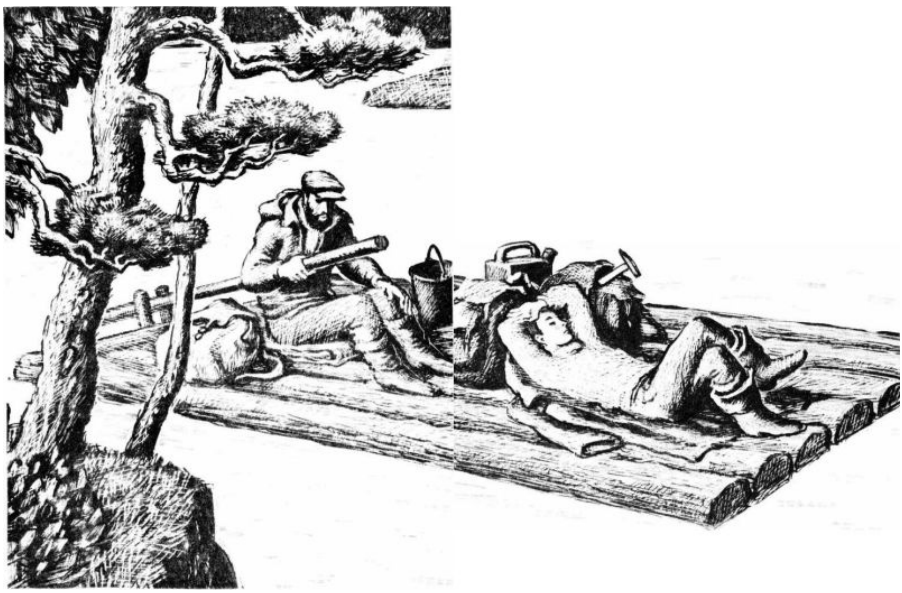
Подошли они поближе. Сверху гора лесом поросла да кустарником. И ничего в ней особенного нет. Копнули лопатой землю, а в земле что-то твёрдое. Поглядели — блестит! Отбили молотком кусок, а это — самая лучшая магнитная руда. Целая гора такой руды! Из неё потом на заводе железо получают.

Приехали на это место рабочие, инженеры и построили на горе рудники, чтоб руду добывать.

А геологи пошли дальше — искать новые полезные ископаемые. Земля-то наша большая!

На плоту

Двое геологов работали в тайге далеко от жилья. Кончили они свою работу. Домой собрались возвращаться. Но не пешком, а на плоту по реке. Срубили несколько деревьев посуше, состругали с них кору и сколотили плот. Спустили они плот на воду, погрузили на него рюкзаки и спальный мешок, сами сели и оттолкнулись от берега длинным шестом.



Плыть на плоту совсем нетрудно. Сиди себе, разговаривай сколько хочешь или пой песни. Да шестом слегка подруливай, чтобы не относило к берегу. Сидели геологи, разговаривали, пели песни и смотрели на воду. Если смотреть на воду, кажется, будто плот на месте стоит. Это потому, что щепки и сухие листья плывут рядом, не обгоняя и не отставая. А если смотреть с плота на берег, то кажется, будто берег назад уплывает, а плот всё равно стоит на месте. А на самом деле он вперёд плывёт.

Вдруг геологи услыхали впереди, за поворотом реки, неясный шум. Он становился всё громче, громче. А тут и течение такое быстрое сделалось — прямо выбивает шест из рук. Не успели они опомниться, а их уже вынесло к повороту. А за поворотом — перекат. Торчат со дна реки большущие камни.

Ну, думают геологи, пропали: если плот на такой камень наскочит, разобьётся вдребезги.

Приготовился младший в воду прыгать, спасаться вплавь, да

посмотрел на старшего. А тот стоит себе — хоть бы что, держит шест наперевес. А течение тащит плот на самый большой камень. Изловчился старший, наставил шест и упёрся им прямо в камень. Стоит посреди плота — не сдвинется, даже покраснел от натуги. Вдруг — крак! — переломился шест, не выдержал. И в ту же секунду плот ударился о камень. Но не изо всех сил, а мягко. Это другой геолог успел подставить между плотом и камнем спальный мешок — он-то и смягчил удар. Повернулся плот вокруг камня, покачнулся на волнах и поплыл дальше.

— Здорово ты это придумал — с мешком, — сказал старший младшему, когда опасность миновала.

— Нет, это ты здорово придумал — с шестом, — сказал младший старшему. Про то, что он хотел один вплавь спасаться, он ничего не сказал.

А шум, который они тогда услыхали за поворотом, был от воды: билась вода о камни — вот и шумела, как водопад.

Упрямая березка

Вы думаете, я вам про обыкновенную берёзу хочу рассказать? Ничуть не бывало! Обыкновенную-то кто не видел! А я — про карликовую.

Тогда я впервые приехал работать в тайгу. Тайга мне вроде нашего леса показалась. Те же деревья: сосна, ёлка, иногда кедры встречаются. А внизу — мягкий мох и разные кустики: брусника, черника, можжевельник, ещё и другие, которых я раньше не встречал.

Выдали мне на складе кирзовые сапоги — толстые, прочные, не промокают. В таких — хоть по лесу, хоть по болоту, хоть в дождь, хоть в снег. Настоящие вездеходы. Обрадовался я и давай в сапогах напролом лезть — по камням, по кустам, по корягам!

Не прошло и месяца, мои сапоги так истрепались и разлохматились, будто не из прочной кирзы, а из мочала сделаны. Увидал это наш начальник, заругался:

— Что же ты, такой-сякой, обувь не бережёшь, по берёзкам лазаешь?

А я ему:

— По каким таким берёзкам? Я по земле хожу, а на деревья лазить мне совсем незачем. Наверное, ваши сапоги только с виду крепкие!

Выдали мне новые сапоги. Однако решил я их поберечь: по камням не прыгал, коряги обходил. Без сапог в тайге далеко не уйдёшь, а других мне теперь до осени не дадут.

Берёг я их, берёг, а всё равно не уберёг. И порвались-то сапоги не там, где подмётка, а в самом непонятном месте — у

голенища.

Взял я толстую нитку-дратву, вдел в сапожную иглу, принялся зашивать дыры. Зашиваю, а сам на сапоги злюсь: совсем они не прочные, даром что толстые!

Подошёл ко мне приятель-геолог, поглядел:

— Зачем же ты по берёзке ходил?

Бросил я сапог в сторону да как заору:

— Что вы все ко мне со своей берёзой пристали! Здесь, в тайге, и берёзы-то нет ни одной! По земле я, по земле хожу!

А приятель посмотрел на меня удивлённо и рассмеялся:

— Да ведь эти вот кустики и есть берёзка. Только карликовая. Эта берёзка — самый страшный враг сапогам.

Тут и я удивился: сколько по этим кустам ходил, а не знал, что это берёзка, вовсе они на берёзку не похожи. Берёзка белая, *а* эти — коричневые. Берёзка высокая, а эти — по колено. Только вот листья у кустов берёзкины, хоть и совсем маленькие, с двухкопеечную монету.

Пригнул я карликовую берёзку к самой земле — не ломается. Отпустил — она снова выпрямилась. Совсем как тугая железная проволока. Так вот почему сапоги об неё рвутся!

Разозлился я на эту берёзку, взял да и вырубил топором всю поляну. Устал даже. А потом пожалел: за что ж это я её? Она ведь не виновата, что такая выросла: если бы она не была упрямая да выносливая, не выжила бы на суровом Севере. А такой ей всё нипочём: и мороз, и ветер, и даже сапоги. От мороза она под снег прячется, от ветра только гнётся, а сапоги сами её боятся.

Собрал я упрямые берёзкины прутики, сложил в свой рюкзак, а когда делать было нечего, сплёл из них корзинку. Очень она получилась прочная! С этой корзинкой я теперь по грибы хожу. Кто не знает, думает, что корзинка обыкновенная.

Олешка

На берегу реки Печоры есть оленеводческий совхоз. Там живёт народ коми. Коми разводят оленей: смотрят за ними, пасут их. И олени у них совсем ручные. Целые стада оленей!

Зимой олени пасутся рядом, в тайге. Острыми передними копытами они разгребают снег, даже очень глубокий, и добираются до самой земли. Там растёт лишайник. Он как маленькая бледно-зелёная травка — неказистый, лохматенький. Но олени его очень любят.

А летом в тайге появляются тучи комаров, которые со всех сторон облепляют оленей и кусают их. Олени чешутся о деревья, отмахиваются копытами, бегают, но всё напрасно. Они очень нервничают и даже перестают есть. И тогда пастухи-коми перегоняют стада оленей ещё дальше на север, в тундру, к Баренцеву морю. Там нет леса и всё время дует ветер. А комары не выносят ветра.

Геологический отряд, куда я приехал совсем недавно, работал в тайге летом. И я очень жалел, что так и не увижу ни одного оленя. Но вот однажды утром я проснулся раньше всех и вышел из палатки. Смотрю, а напротив меня, шагах в десяти, стоит какой-то зверь и смотрит на меня большущими глазами. Глаза у него грустные и мокрые, будто заплаканные. Я сначала не понял, что это за зверь. Даже напугался. А когда разглядел, очень удивился: ведь это же олень! Совсем такой, каких на картинках рисуют. Только живой.

Я позвал его шёпотом, чтобы не спугнуть:

— Олешка! Олешка!

А он всё стоит и не верит, что я ему ничего не сделаю. Тогда я положил на землю кусок хлеба, а сам в сторонку стал. Олень потянул носом воздух, посмотрел на меня внимательно и подошёл к куску. Он немножко хромал на переднюю ногу, и я сразу понял тогда, почему он не вместе со всеми оленями: трудно ему с такой ногой далеко идти, вот он и отстал.

С тех пор он жил у нас. Был он до того худ, что хребет торчал

у него на спине острый, как крыша избы. Но мы все жалели Олешку — так его стали звать — и давали ему всё, что у нас оставалось: хлеб, кашу, суп. Он всё ел и даже стал поправляться.

Утром он шёл вместе с нами на работу. Но вскоре налетали комары, и Олешка не выдерживал, убегал назад к палатке. Там наш повар готовил на костре обед. Олешка очень любил вертеться рядом с костром: дым ведь прогоняет комаров.

Но повар почему-то невзлюбил Олешку. Наверное, потому, что он был скучный и недобрый человек. Когда мы возвращались с работы, он спрашивал нас: «А правда, что оленье мясо вкусное?.. А из шкуры оленьей можно шубу сшить?.. А почему у вашего оленя рога не выросли? Вот бы из них вешалку для пальто сделать!» Мы на него очень сердились за Олешку и не отвечали ему.

А однажды случилось вот что. Развел повар костёр, поставил на него котелки и кастрюльки, а сам лёг рядом и уснул. Наверное, он плохо ночью спал. Или просто любил поспать. Жарко разгорелись сухие, смолистые дрова. Высохла рядом с костром зелёная травка и тоже загорелась. А от неё загорелись кусты. А от них — деревья у корней. Пошёл разгораться пожар по земле. Огня почти не видно, а дым из-под каждого дерева валит. Так часто начинаются лесные пожары. Кто знает, чем бы это кончилось, если бы не Олешка!

А Олешке, конечно, понравилось, что так много дыму стало: все комары улетели. Он, наверное, походил вокруг костра, попробовал губами рвать траву с земли, а она сухая, горячая. Как тут было не перепугаться Олешке. Вот он и растолкал повара. Повар спросонья выругал оленя, а когда протёр глаза и увидел дым, вскочил на ноги и бегом за нами. Потом мы все вместе, схватив топоры, лопаты, вёдра с водой, тушили пожар и к вечеру совсем потушили его. Хорошо ещё, что он не успел разгореться!

А повар с тех пор перестал ругать оленя и давал ему еду.

Когда мы окончили работу и уезжали, Олешка уже почти не хромал. Нам было очень грустно с ним расставаться. И ему тоже. Мы оставили его на берегу реки Печоры в оленеводческом совхозе. Там ему будет хорошо.

Яков-керка

В тайге посёлки и деревни встречаются редко. Поэтому тамошние люди, коми, строят в лесу избушки для охотников, рыбаков, оленеводов и всех других, кому приходится ходить в тайге далеко от жилья.

Кто построит избушку в лесу, по имени того человека её и называют.

Однажды я тоже набрёл на такую избушку — Яков-керку. Керка — это и есть изба по-комяцки. А Яков — тот самый человек, который когда-то её построил.

В тайге было холодно и шёл дождь со снегом. Я промок, устал и поэтому очень обрадовался, когда вошёл в избу. Там было пусто и никто не жил. Но под чёрным котлом на печке я нашёл банку с солью и коробку спичек. А рядом лежали сухие дрова.

Я затопил печь, сварил кашу и напился горячего чаю. И сразу мне стало хорошо и тепло. Я решил здесь переночевать, потому что было уже поздно.

Когда печка немного остыла, я расстелил на ней брезентовый плащ и улёгся. Но спать мне почему-то не хотелось. Я лежал и всё думал об этом человеке, Якове, который построил избушку.

Наверное, это был очень сильный человек, думал я. Если бы он не был сильным, он не смог построить избушку из таких толстых и прочных брёвен.

Наверное, он был очень большого роста: ведь потолок в

избушке такой высокий, что до него рукой не достанешь. И дверь тоже почти до потолка.

А потом я подумал, что этот человек, наверное, любил хорошо поесть. Иначе зачем же ему такой огромный котёл?

И ещё я подумал, что он любил хорошо поспать после работы. Иначе для чего же он сделал такую широкую, удобную лежанку на печи?

А ещё мне кажется, что этот человек, которого звали Яков, был очень хороший и добрый человек. Ведь если бы он не был добрым, он унёс бы с собой котёл, не оставил бы ни соли, ни спичек, ни дров.

Я тоже, когда проснулся, наколол дров и оставил под котлом на печи соль, спички и немного крупы. Пускай человек, который придёт сюда после, скажет спасибо тем, кто был здесь до него. Это значит, он и мне спасибо скажет.

Тяжелая земля

Плыли двое приятелей в лодке по Быстрой реке. Возле Студёного камня, скалы, устроили привал — кедровые шишки с кедров сбивали, орехи щёлкали. После костёр на берегу разожгли и пили чай.

Когда костёр поутих, засыпали жаркие угли землёй, а сверху постелили брезент и спать улеглись.

Земля от горячих углей снизу греет, сладким дымком попахивает, сухо, тепло спать. А утром стали брезент поднимать — что-то под ним поблескивает: крупинки, шарики маленькие.

Взял один из приятелей такую крупинку, ногтем поскрёб:

— Вроде, железная.

Взял другой:

— Здесь, — говорит, — просто кто-то просыпал дробь, на этом месте. Расковырял, наверное, патрон — дробь из патрона и высыпалась.

Сложили они в лодку брезент, воду из чайника на костёр вылили, а всё думают. Как же, думают, дробь тут могла сохраниться? Мы ведь после на этом месте огонь жгли, а головешки землёй закидали.

Стали они разглядывать ямку, где землю брали — костёр засыпать. Ямка как ямка, и земля в ней самая обыкновенная —

бурыми комочками — и совсем не блестит.

Одному надоело, он говорит:

— Чего в земле копаться? Ничего интересного! Поплывём-ка мы дальше.

А другой говорит:

— Вот и интересно, что эта земля совсем не блестит, а как попала в огонь — сразу заблестела. Нельзя нам так просто отсюда уехать.

Взял он скорей чайник, стал в него землю сыпать лопатой.

— Что ты делаешь? — удивился приятель.

— А вот разводи огонь снова — может, скоро поймём.

Тогда и тот стал о чём-то догадываться. Взялся он чайник на костёр ставить — чуть не выронил:

— Ну и тяжёлая эта земля!

Поставили на самое жаркое место, стали ждать. А ждать-то недолго пришлось: скоро из чайника жёлтый дымок потянул. Заглянули — а земля-то в чайнике растопилась, как масло. Сверху плавает разный мусор, песчинки да щепочки, а внизу — словно ртуть блестит. Капнули из чайника — капля тут и застыла крупинкой-шариком: свинец!

— Вот так обыкновенная земля — ведь это, наверное, руда! — догадались приятели. — Та самая, из которой на заводах выплавляют нужные людям металлы.

Насыпали они этой земли ещё и в ведро, еле вдвоём донесли до лодки. Место на берегу приметили, чтоб не забыть. А когда приплыли в посёлок, сразу положили землю в посылку и отправили прямо в Москву, геологам. Так и написали на ящике: «Земля с Быстрой реки, возле Студёного камня». Получат геологи посылку с тяжёлой землёй, прочтут надпись и всё поймут.

Болван-гора

Есть на Урале гора, которую местные жители, коми, назвали Болвано-из. По-русски это значит: Болван-гора. Там на вершине болваны стоят. Какие?.. Да самые обыкновенные, каменные.

Когда мне про это рассказали, я тоже не поверил: кому это нужно — на вершине горы болванов ставить? А потом сам в тех местах побывал: действительно стоят. Только их там никто нарочно не ставил, они сами появились. Дождь льет, мороз морозит, ветер дует — вот и разрушаются старые горы. Те камни, которые мягче, выветриваются, водой смываются. А твёрдые — остаются. Остались на вершине горы три твердокаменных столба-болвана. Один — безносый, в шляпе. Другой — носатый, без шляпы. А третий — без носа и без шляпы.

Мы с товарищами-геологами поселились в палатке на берегу реки. Рядом с нами — тайга. За тайгой — горы. Только вечером, когда мы сюда приехали на лодке-моторке, гор не было видно.

А утром я вышел из палатки и сразу увидел болванов. Высоко на горе стоят болваны и смотрят вперёд. Наверно, им всё далеко видно.

Пошёл я к реке, умылся холодной водой. А болваны стоят, смотрят.

Разожгли мы с товарищами костёр, чай вскипятили, позавтракали. А болваны всё видят.

Взяли мы свои рюкзаки, молотки, лопаты — пошли на работу. А болваны стоят, с места не сдвинутся. Они ведь каменные. А сначала всё казались мне живыми.

Только скоро я привык и перестал замечать болванов. Так, наверное, и забыл бы о них совсем, если бы не один случай.

Остался я как-то в палатке за кашевара. Кашу сварил, суп заправил — скучно мне показалось сидеть без дела, ждать товарищей. Пошёл в тайгу за вкусными кедровыми орехами. Отойду, думаю, совсем недалеко, насобираю спелых шишек и вернусь. А возле палатки, как назло, и кедров-то нет. Зашёл в лес поглубже — тут их много. Только успевай обстукивать деревья дубинкой колотушкой да подбирать упавшие шишки.

Ходил от дерева к дереву — полный рюкзак насобирал. Пора и возвращаться. Да только куда возвращаться, в какую сторону? Пока орехи искал, забыл, откуда и пришёл. Компас в тот раз не захватил: недалеко ведь собирался. Смотрю налево, смотрю направо — одно дерево на другое похоже. Пошёл прямо. Ну да — вот и знакомая старая сосна, под ней яма глубокая. Наверное, в яме медведь зимовал. Прошёл мимо этой знакомой сосны и

забрался в незнакомое болото. Нет, здесь я раньше не был…

Принялся кричать что было мочи: вдруг наши где-то близко. Прислушался — никто не откликается. Тут ещё дождик стал накрапывать. Ну, думаю, вот так история с географией. Придётся дожидаться вечера, когда товарищи с работы вернутся, бросятся меня искать. Если наугад идти — ещё хуже заблудишься. Тайга ведь, а не парк: можно неделю идти и две недели — и всё лес.

«Страшного ничего нет», — говорю я себе. А самому страшновато становится: вдруг товарищи подумают, что меня медведь утащил? Вдруг на самом деле зверь ходит рядом?

Прислонил рюкзак к сосне, а сам на дерево залез. Сперва на нижний сучок, потом поднялся повыше, до самой макушки: может, думаю, увижу палатку. Да только разве увидишь её отсюда? Кругом одни вершины — сосны, кедры, ёлки. Одна выше другой. Стоят не шелохнутся. А с неба дождь накрапывает.

Поглядел я прямо, налево, направо — то же самое. Изловчился, назад глянул — и чуть от радости сучок из рук не выпустил: там, вдалеке, на горе три неподвижные фигуры виднеются и прямо на меня смотрят! Родненькие мои, дорогие, золотые, каменные!.. Даже не пойму, отчего я им сразу так обрадовался. Вот что значит в чужих местах встретить старых знакомых! Гляжу на них, а сам соображаю: так-так, они ведь лицом к реке стоят. Значит, если я теперь пойду в эту вот сторону, обязательно выйду к реке.

Заметил, куда мне идти нужно, слез на землю и чуть не бегом припустил. Даже забыл, что за спиной тяжёлый рюкзак.

А берег оказался недалеко, и по берегу я совсем просто добрался до палатки.

Скинул со спины мешок, поглядел на гору, помахал болванам рукой: спасибо, мол.

Выходит, и болваны могут быть иной раз полезны. Конечно, если они каменные.

Лешина миска

У нас в экспедиции у каждого своя миска была. Обычную тарелку кто же берёт с собой в лес — в первый же день разобьёшь! А миска — небьющаяся, алюминиевая и совсем лёгонькая. Поел, скажем, суп или кашу, миску прямо в реке ополоснул — и в рюкзак.

Миски все одинаковые, и чтобы не перепутать, каждый свою отмечал: возьмёт вилку и нацарапает снизу на донышке — Миша там или Петя.

Кажется, такой уж пустяк — миска! А вот обойдись без неё попробуй…

Однажды переправлялись мы на плотах через таёжную реку. Река не очень широкая, но быстрая. А ещё там торчали со дна опасные камни: сверху-то не видно, они под водой, а ударится плот о такой камень — может перевернуться. Или, ещё того хуже, разлетится по брёвнышкам.

И вот все переправились благополучно, остался на другом берегу один только Лёша-художник. Мы потому его художником звали, что очень он любил рисовать в свободное время. А вообще-то Лёша вместе со всеми работал: копал в земле ямы-шурфы, доставал из них пробы, носил рюкзаки. И был у Лёши любимый сундучок. Нагрузятся все, бывало, — палатки на спину взвалят, инструменты, а Лёша сверх всего сундучок тащит. Ещё посмеивается над нами:

— Вам тяжело, а мне сундучок помогает — он у меня волшебный!

И правда, в Лёшином сундучке не обычные вещи хранились — рубашки да костюмы, — а разные краски, карандаши и рисунки. Все устанут после дороги, и кто спит-отдыхает, кто с товарищем в шашки сражается, а Лёша достанет краски, сядет на сундучок и рисует. Он всё рисовал: и лес, и людей, и наши палатки. Однажды меня тоже нарисовал — очень похоже получилось.

В тот день Лёша с утра тесал брёвна, сколачивал плоты, даже позавтракать не успел. Так и поплыл на своём маленьком плотике — с миской в руках: сидит верхом на сундучке, кашу уплетает.

И вдруг совсем недалеко от берега наскочил плот на камень. В один миг всё в воде оказалось: и сундучок, и Лёша. Река там, хорошо, неглубокая, да течение с ног сбивает. К тому же вода холодная: речка течёт с высокой горы, где тают снега. Кинулись мы на помощь — кто доску Лёше протягивает, кто верёвку кидает.

— Хватайся! — кричим. — Утонешь!

А он и не слышит: сундучок потерял. Стоит по грудь в воде и

руками шарит по дну.

Только выбрался на берег, сразу сундучок открывать: не попала ли внутрь вода, не испортила ли краски? Улыбнулся потом:

— Живой!..

— Вижу, — говорю, — что живой: руки-ноги целы!

— Да нет, это я про сундучок: не протекла, значит, в него вода…

А миску и не пожалел: уплыла ведь миска вместе с кашей…

Впрочем, вскоре пришлось пожалеть.

Развели мы костёр, супу наварили, сели обедать. А Лёше-то не из чего есть.

— Ладно, — говорит, — обожду, пока у кого-нибудь освободится.

Ну жди… А суп тем временем остывает. Вспомнил тут повар, что где-то у него лишняя крышка от кастрюли была, тоже алюминиевая.

— На, держи, — говорит, — хоть крышку, ешь из неё.

Стал теперь Лёша из крышки обедать. Крышка широкая, плоская, много супу в неё не нальёшь, каша и та расползается. Да и ложкой зачерпывать неудобно. Только приладится, а все другие уже пообедали. Придёт за добавком, а в котле всё холодное.

— Тебе бы, Лёша, не сундучок — миску надо было спасать, — шутили мы над ним.

А Лёша сперва молчал, будто его не касается, а про себя всё же злился, наверное. Что-то придумывал. Положил, гляжу, крышку на камень, стал по ней молотком колотить.

— Ты чего это?

— Да так, — говорит, — постучать захотелось…

— Ладно, не рассказывай, сами увидим.

И правда, увидели. Является он к обеду с новой посудиной: крышка — не крышка, миска — не миска, а так, будто детская формочка для куличей. Знаете, ребятишки «пекут» куличи из песка? А это Лёша загнул молотком у крышки края. Стали они волнистыми, зато высокими, вот и получилась большая глубокая посудина. Подставил её повару, тот целый половник опрокинул, а в миске меньше половины.

— Лей ещё, — говорит ему Лёша. — Раньше вы надо мной смеялись, теперь я посмеюсь… Больше всех съем.

И вилкой ничего царапать на миске не надо: без того заметная, все знают чья — Лёшина!

Я даже позавидовал Лёше и у нашего повара спросил, нет ли ещё и для меня другой крышки: тоже хотел сделать такую же чудесную миску. Да крышки не нашлось подходящей.

Всё лето мы работали вместе. А когда расставались, Лёша подарил мне свою миску и ещё рисунок.

Рисунок я вставил в рамку и повесил дома на стенку. А в миске мама испекла красивый и вкусный пирог. Кто ел, все хвалили:

— В чём это испекли? В каком «чуде»?

— Не в «чуде», а в Лёшиной миске!

С тех пор, когда у нас дома праздник и надо пирог печь, сразу кидаются искать Лёшину миску.

Чукай

С таким не пропадёшь

Не помню уже, когда он к нам привязался. А только идём мы по лесу, а рядом пёсик бежит — сам чёрненький, гладкий, хвост аккуратным калачиком на боку, уши торчком, слушают, а нос таким хитреньким треугольным мыском. И всё в нашу сторону поглядывает: не прогоним ли? А зачем прогонять — вместе-то веселее! Наверное, когда мы в посёлок заходили, кто-то из наших его приласкал — вот он и увязался за нами.

Мы не быстро шли: у кого за плечами тяжёлый рюкзак, у кого — спальный мешок, палатка. Пёсик тоже не торопился, иногда отставал даже: всё принюхивался, прислушивался к чему-то. А то вдруг вперёд забежал да как зальётся — настоящий звонок!

Вася, наш техник, винтовку скорее взвёл, мешок с плеч долой — и за ним. Где-то поблизости затрещали кусты, воздух захлопал — ах-ах-ах-ах! — ударил выстрел. Смотрим, возвращается Вася и держит глухаря за крыло. Другое крыло по земле волочится — такой здоровенный, как настоящий индюк! Он бруснику на поляне клевал, наелся, отяжелел — вот и не смог быстро подняться. А Чукай — так звали собаку — почуял его и позвал нас.

— Ну, — говорим, — с такой собакой в тайге не пропадёшь с голоду! И себя прокормит и нас всех!

Вкусная сгущёнка

Нашли мы в лесу между высоких сосен место красивое. Вокруг сушняка для костра сколько хочешь. Внизу ручей журчит. Разбили палатку и спать в ней легли — очень устали за день. А продукты оставили рядом с палаткой: небо чистое, дождя, конечно, не будет — что с ними случится! Да и сторож у нас теперь: Чукай.

Утром встали — всё на месте: и крупа, и сахар, и сухари. Только вот банка со сгущённым молоком в стороне почему-то валяется, на боку. Заглянули в банку — она пустая, и так чисто

вылизана — даже блестит. Эту банку с вечера кто-то из нас открыл, она почти полная оставалась, а Чукай не смог удержаться, очень уж он сгущёнку любил.

С тех пор мы всегда от него начатые банки прятали: на деревья повыше ставили, в палатку забирали. Нам не сгущёнку жалко — боялись, Чукай порежется об острые края банки.

А больше он никогда ничего не трогал.

Пропал карандаш

Утром каждый из нас брал пустой рюкзак, геологический молоток и лопатку и шёл на свой участок добывать образцы. И Чукай тоже за нами бежал. То за одним, то за другим — за всеми по очереди.

Однажды он и со мной побежал. Далеко в лес зашли, и, пока я работал, записывал, где какой камень нашёл, он где-то рядом по кустам гонял и совсем не мешал мне. А потом вдруг я потерял карандаш, которым писал. Выронил случайно, а найти не могу: трава кругом густая, высокая. Вот обидно: мне работать нужно, а тут — хоть за карандашом возвращайся в палатку. Я тогда крикнул:

— Чукай! Чукай!

Он сейчас же примчал: бока тяжело дышат, мокрый язык изо рта вывалился, бокам дышать помогает. Наверное, за мышью охотился — вот и запыхался.

Прибежал, лапы смешно растопырил и смотрит мне прямо в глаза: зачем, мол, звал?

А я ему под нос тетрадь сую:

— Нюхай, нюхай! Ищи!

Чукай морщит нос, отворачивает — не нравится ему так. Тогда я бросил тетрадь под дерево, чтобы он видел, и кричу:

— Ищи! Ищи!

Он подошёл к тетради, понюхал и принёс мне в зубах. А я ему снова:

— Ищи, Чукай, ищи!

Тогда он, наверное, всё понял: побегал-побегал по поляне, гляжу — несёт карандаш.

Я очень обрадовался и почесал Чукаю за ухом, как он любил, и спасибо ему сказал. А на карандаше остались отметины от острых его зубов.

Чужие собаки

Много разных камней, образцов нашли мы. Но тут у нас

кончился хлеб, и сухари мы съели. Только тогда мы поняли, как всё невкусно без хлеба. Даже мясо, даже сгущённое молоко!

Вышли мы из тайги в посёлок — за сухарями, за хлебом.

В посёлке жило много охотников, и у каждого собака была. А у некоторых даже по две собаки.

Охотятся там зимой, потому что зимой у зверей мех теплей и красивее. А летом охотники ловят рыбу в реке и работают на огороде. А собакам летом вовсе нечего делать. Они бегают по посёлку, дерутся между собой просто так, а ещё из-за рыбы: им там рыбу сушёную бросают хозяйки.

А на людей собаки не лают, потому что знают всех людей в посёлке.

Нас они не знали, вот и выбежали навстречу. Очень много собак, и все на нашего Чукая похожи: чёрненькие и хвост калачиком. Это потому, что все они — родственники, одной породы: северная лайка.

Остановились собаки и думают: что им дальше делать, лаять на нас или нет? А некоторые уже начали потихоньку ворчать.

Вдруг наш Чукай бесстрашно выскакивает вперёд. Сейчас он с чужими собаками драться начнёт, подумали мы и уже за него напугались: вон их сколько, а он один! Но Чукай вовсе не драться хотел, а знакомиться. Он их обнюхивает, а они — его, будто о чём-то шепчутся. Пошептались чужие собаки с Чукаем, обнюхали и нас тоже и разбежались как ни в чём не бывало. Значит, признали за своих. А может, Чукай им что-то хорошее про нас шепнул?

Возле костра

Вечером, когда темнело, мы костёр разводили и рассаживались вокруг. У костра тепло и пахнет вкусным дымом. Тихо в лесу. Только иногда сырая ветка в огне стрельнёт.

Мы рассказывали разные истории, а то и просто сидели молча.

Чукаю тоже костёр нравился. Он ложился рядом на брюхо, вытягивал передние лапы и клал между ними голову, будто тоже о чём-то думал. А в его чёрных больших зрачках плясали рыжие огоньки.

Когда костёр догорал, мы вставали и говорили: «Спасибо, Чукай, интересно поговорили. Пора спать».

А он вместо «спасибо» — вилял хвостом.

Охотник в лодке

Подошла осень. Дожди начались, а по утрам наша брезентовая палатка хрустела от инея. Мы готовились к отъезду и всё чаще поглядывали на Чукая: а его куда же?

Кто-то сказал:

— Давайте с собой возьмём.

— Не пустят в самолёт с собакой, — сказал другой.

— Да и скучно в городе будет Чукаю, сбежит всё равно. Это ведь не городская собака: Чукай по тайге бродяжничать привык, а

не в комнате жить.

Плыл по реке охотник-рыбак в остроносой и узкой лодке. Шестом от неглубокого дна отталкивался. Пел длинную песню. В этой песне — про быструю реку, по которой он плыл, и про крепкую лодку, которая ему послушна, и про большую рыбу-таймень, которую он изловит.

Понравилась нам его песня, вышли мы на берег, позвали к себе человека. Мы его угощали крепким чаем, какой любят на Севере, и расспрашивали про рыбную ловлю и про охоту. Он рассказывал, а сам то и дело на Чукая поглядывал.

Вот кому бы его подарить, подумали мы тогда. Да только разве Чукая подаришь: он ведь ничей, свободный! Захочет — пойдёт, не захочет — останется.

Мы сказали об этом охотнику, он сразу обрадовался:

— Со мной обязательно пойдёт, потому что настоящая охотничья собака всегда по охоте скучает.

И правда: взял в руки охотник свой длинный шест, поманил Чукая, тот не стал и раздумывать. Только в последний раз глянул на нас, попрощался и в лодку вскочил. Примостился на лавке, будто всегда здесь сидел.

Поплыла по реке лодка, вот-вот за поворотом исчезнет. А Чукай неподвижно, будто каменный, выставил нос, навострил уши и только вперёд смотрел. Так и не оглянулся.

Лосиные рога

У меня дома в Москве в прихожей висит лосиный рог. Он как очень широкая ладонь с растопыренными пальцами. Я на Севере в тайге работал, там и нашёл этот рог под сосной. Лоси ведь сбрасывают свои рога весной, а к зиме у них вырастают новые.

Когда ко мне приходят приятели, они вешают на лосиный рог свои шапки и шляпы. А когда уходят, снимают их.

Кто-то из них сказал, что у моего рога пять пальцев, потому что лосю было пять лет. Наверное, это так и есть.

А недавно ко мне приезжал товарищ издалека, с Севера. Мы с ним пили крепкий чай с клюквенным вареньем и вспоминали про разные случаи. Потом он достал из своего чемодана лосиный рог и говорит:

— Вот, бери на память. А я себе ещё другой найду.

Повесил я этот рог рядом со старым. Получилось, будто это лось через стенку рога просунул. Но потом я заметил, что у нового рога пальцев-то не пять, а семь. Ну конечно, он же совсем от другого лося. А вдруг это мой лось успел подрасти? Ведь в тайге я не был целых два года!

Теперь, когда я в полутёмной прихожей гляжу на эти рога, мне иногда кажется, будто я совсем не дома, в Москве. И рядом вовсе не пальто на вешалке, а старая замшелая сосна. И вовсе не калоши на полу, а чьи-то глаза блестят.

Гляжу я на лосиные рога, и кажется, будто они заманивают меня далеко-далеко. В края, где лес до небес — кедры да сосны стеной стоят, где в быстрых речках плещется озорная рыба хариус, где желтеет во мху сочная ягода морошка.

Наверное, я скоро снова туда уеду.

Подземное море

Это про чёрное море. Не про то Чёрное море, по которому пароходы ходят, а про другое, которого никто не видит. Ветры на нём не дуют, и волн не бывает, и рыба не водится. Но людям такие моря очень нужны, потому что это чёрное подземное море — нефть.

Рассказывают, позвали когда-то давно в наши края одного иностранца. Приехал он — очень важный, учёный и толстый. Стал искать такое подземное море. Там посмотрел, тут посмотрел, велел, чтоб ему ямки в разных местах копали. А после и говорит:

— Нет в этой земле нефти и не может быть.

Сказал и уехал в свою иностранную страну.

Прошло много лет. Задумались наши инженеры, посмотрели на свои карты и сказали:

— А всё-таки здесь должна быть нефть. Мы её найдём!

Привезли они разные приборы. На одни поглядишь — сразу можно узнать, что под землёй: твёрдый камень, глина или что-то жидкое. А другие дают знать, есть ли здесь нефтяной газ. Очень чуткие!

Посмотрели инженеры на приборы: ага, там внизу, глубоко под твёрдой землёй, будто болото дрожит, будто море большое!

А другие приборы показали, что пахнет нефтяным газом.

Вот теперь можно строить здесь вышку.

Построили на этом месте высокую железную вышку, стали с этой вышки сверлить землю и опускать в неё длинные трубы до самой нефти. А земля твёрдая, много камней. Сверлить её трудно и долго. Тогда стали работать и ночью. Днём солнце светит, ночью — электрические прожекторы.

Днём и ночью работают люди на вышке, хотят скорее до нефти дойти. Ревут моторы, сверло сверлит, лебёдки скрипят — шум такой кругом, будто это большой завод. А нефти всё нет и нет.

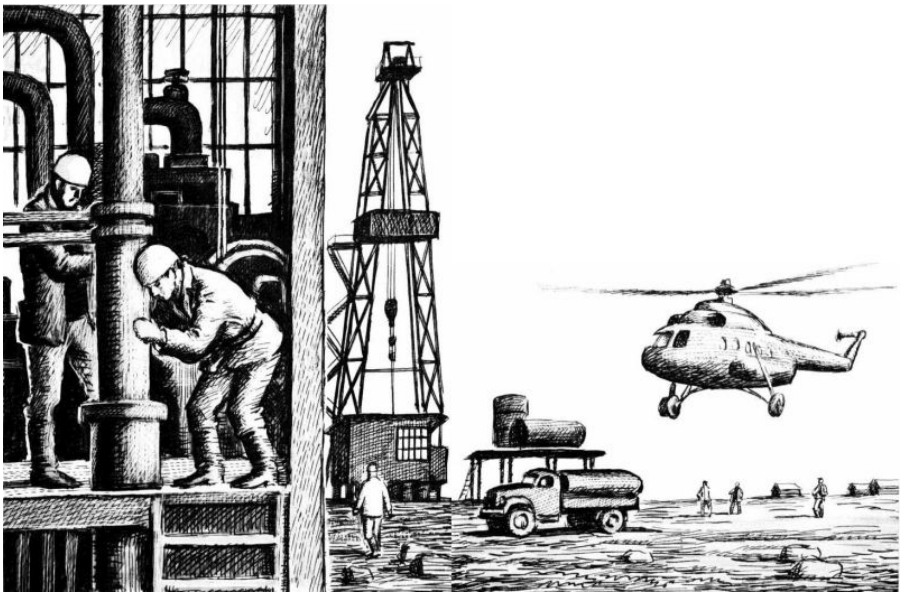
Стали поговаривать некоторые: вот, мол, работали, работали, а напрасно. Говорили же раньше: нет здесь ничего…

А инженеры на своём стоят: надо сверлить ещё глубже. Нефть будет!

И они оказались правы: хлынула нефть, пошла из огромного подземного моря по трубам вверх!

Отсюда проложили другие трубы, по земле, и по ним нефть потекла на химические заводы. Из неё теперь получают бензин и керосин, делают капрон, резину, разноцветные краски и даже большие пластмассовые пароходы.

А тот иностранец, который когда-то сюда приезжал, всё наврал. Он просто хотел, чтобы мы у него за деньги покупали его нефть, а про свою бы не знали.



Портфель

Учился я в школе. Носил на спине потрёпанный ранец. Он мне ещё от братьев достался, а я его донашивал.

Стал студентом — купил на стипендию коричневый картонный чемоданчик. Туда у меня всё втискивалось: и учебники, и толстые тетради, и завтрак в газете, а когда на каток идти, то даже длинные беговые коньки с ботинками.

С войны я привёз плоскую офицерскую планшетку: с одной стороны прозрачная слюда, а с другой — гладкая кожа.

Стал я с планшеткой на работу ходить. Планшетка красивая да и дорога́ она мне: я её всю войну проносил!

Одно плохо: мало в планшетку вмещается. Она ведь только для карты и карандаша, а у меня и книги, и чертежи, и линейка счётная.

И вот узнали как-то товарищи на работе про мой день рождения — подарили мне толстущий жёлтый портфель.

Вот те на́! Никогда в жизни портфелей не носил. С двумя блестящими медными замками, с ремнём посередине, с пряжкой… Тоже сообразили!

Взял я портфель, товарищам, конечно, спасибо сказал. И стал его на работу носить.

Портфель и правда оказался удобный, вместительный такой. И совсем не тяжёлый. Только вид с ним очень уж важный. Наверное, дорогущий портфель, думаю. Наверное, думаю, какой-нибудь там крокодиловый. Или бегемотовый. Вон весь в каких пупырышках! И пряжки так и сверкают!

Неудобно мне как-то с ним по улице ходить, кажется, будто все глядят на меня. Чего доброго, знакомые или ребятишки подумают: «Совсем дядя Федя зазнался, вон какой себе завёл портфелище!» Они-то ведь не знают, что я тут ни при чём, что мне его подарили.

А закинуть куда-нибудь тоже неудобно: всё же подарок. От товарищей!

Ну, думаю, один выход: надо этот портфель скорей износить.

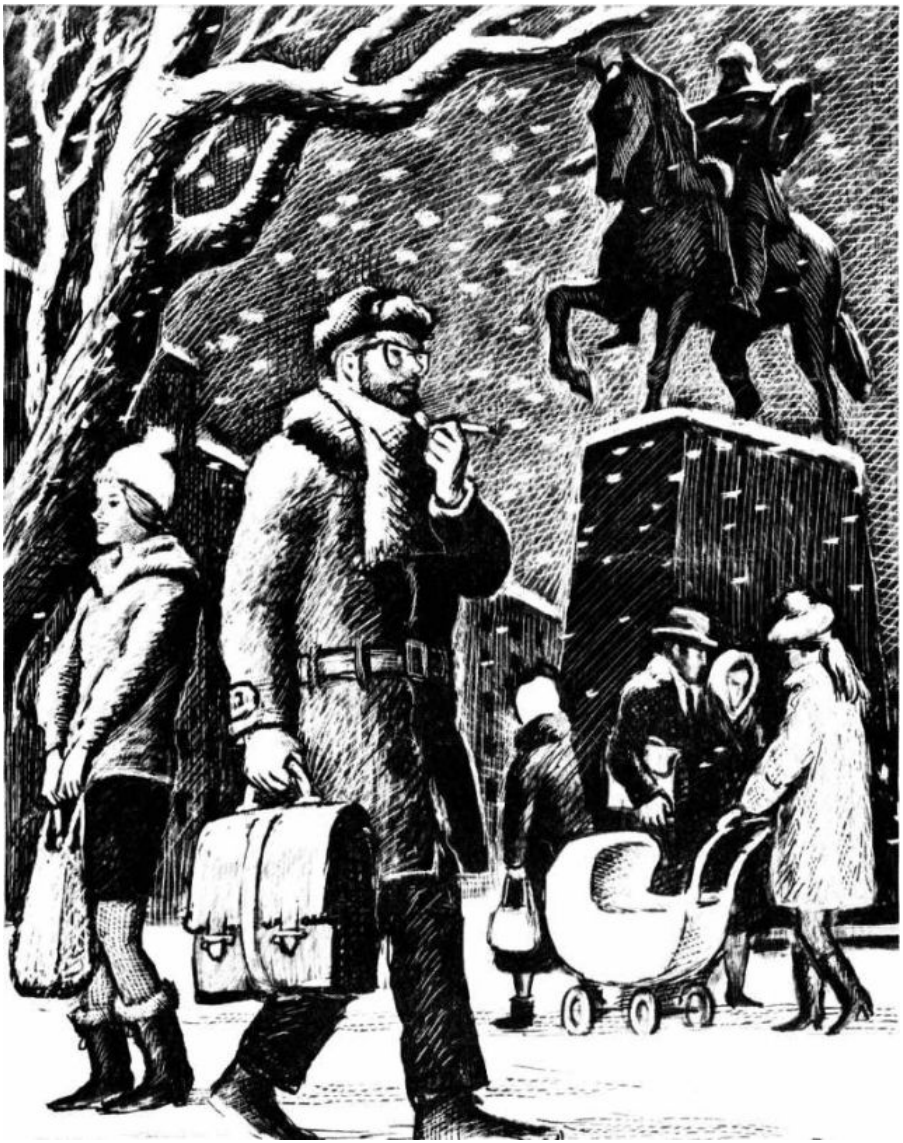
И вот стал я новый портфель повсюду таскать: и в магазин за хлебом, и в прачечную за бельём, и даже в баню.

Однажды где-то в краске его перепачкал. Ничего, отмылся!

В другой раз попал в грозу. Ливень так и хлещет. Вымок я до нитки, чуть не заболел после.

Поставил ботинки сушить возле горячей батареи — скрючились, затвердели, потрескались. А портфель — прямо на батарею, и хоть бы что!

Год протаскал — ни царапинки. И так лукаво, так весело глядят на меня пупырышки, будто насмехаются.



Не утерпел я, спрашиваю товарищей:

— Из какой такой крокодиловой кожи этот ваш портфель, признавайтесь?

А они только смеются:

— Какая там крокодиловая! Да он из химической кожи, из искусственной…

Вот оно что! Оказывается, это никакой не крокодил! Просто раньше таких не умели делать. А теперь научились. Красивый он — верно, но вовсе никакой не дорогущий!

Ну, думаю, тогда ещё ничего. Тогда можно с ним и по улице.

А лучше бы он всё-таки был чемоданчиком. К чемоданчику я

как-то больше привык.

Город, который будет

У меня есть друг. Он очень хороший. Только мы с ним так редко встречаемся! То он работает, то я. Он инженер, он химик. А я пишу книжки, значит — писатель. То я пишу, то он своим делом занят. Вот так.

Однажды я заболел и много дней никуда не ходил и не ездил, а только лежал в постели. Это очень скучно — болеть и лежать в постели. Я ничего не хотел есть. И мне иногда казалось, что я буду лежать так долго-долго, всё время. А за окном дул ветер и было холодно.

Тогда ко мне пришёл мой друг. Он открыл дверь и сказал:

— Я пришёл. Я хочу, чтобы тебе не было скучно. Когда людям скучно, они долго болеют. А я не хочу, чтобы ты болел.

Я сказал:

— Я тоже не хочу. Но вот болею. Мне бы сейчас клубники!

— Это хорошо! — обрадовался мой друг. — Это очень хорошо, что ты хочешь клубники. Я тебе обязательно принесу.

И он ушёл. А я подумал, он шутит: где найдёт он зимой клубнику.

Я лежал и слушал, как поёт за окном ветер. И думал: «Может быть, это даже хорошо, что я болею зимой, а не летом. Зимой крутит снег, холодно и никуда не хочется…»

А тут вернулся мой друг. Он очень спешил и запыхался. Он протянул мне целую чашку спелой клубники.

Я сказал:

— Клубника? Не может быть!..

Он сказал:

— Попробуй… Это ещё что! Завтра, если захочешь, я принесу тебе целых две чашки!

Я съел полную чашку клубники. Очень она была вкусная! И стал ждать, когда же придёт завтра.

Сначала пришёл синий вечер, и в комнате зажгли зелёную лампу.

Потом пришла ночь, и я крепко спал.

А когда пришло завтра и я проснулся, то почувствовал, что уже начинаю выздоравливать. И мне захотелось скорей повидаться с моим другом.

Он не обманул меня. Он никогда не обманывал. Он пришёл и принёс две полные чашки клубники и ещё большой красный помидор.

Я сказал:

— Помидор? Не может быть!..

Он сказал:

— Попробуй…

Я сказал:

— Где ты взял? Разве они растут зимой?

Он сказал:

— Растут! Я ездил за ними в один удивительный город. Поправляйся скорее, и мы поедем туда вместе.

Я не поверил. Я сказал:

— Расскажи мне про этот город.

— О, это очень удивительный город! — сказал мой друг. — Он совсем не похож на те, что ты видел. Для тех, кто хочет на лыжах, — там в любое время зима. А для тех, кому загорать, — жаркое лето. Там круглый год зреют яблоки и помидоры. Там стоят дома из стекла — красного, зелёного, синего, такие прозрачные, что сквозь них видно небо. И конечно, в этих домах живут хорошие люди — они никогда не ссорятся, не дерутся, а всегда помогают друг другу. Там никто никогда не болеет. А если вдруг и заболеет, то друзья принесут ему сразу столько помидоров и клубники, что он тотчас выздоравливает.

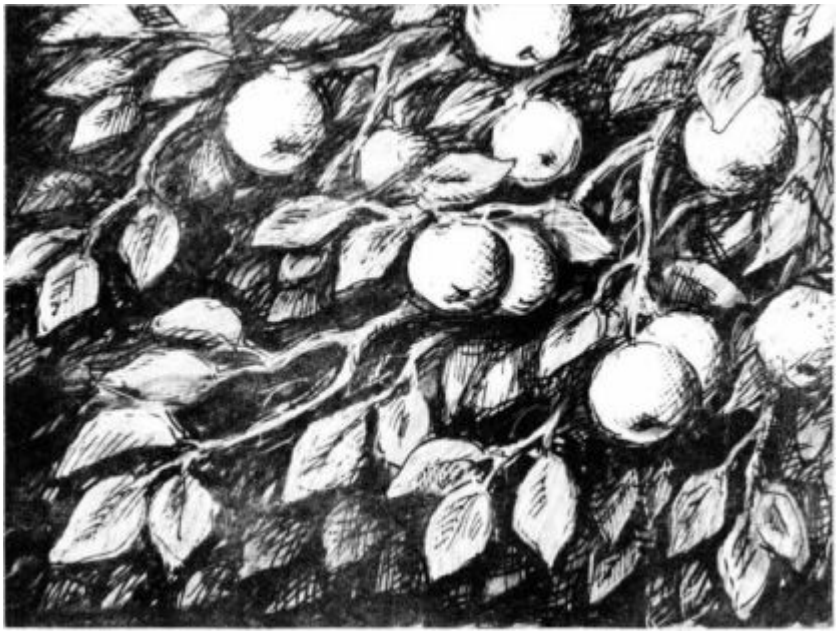
Мне очень понравилось, что рассказал мне мой друг. И я тихо засмеялся:

— Ты ведь всё это выдумал? Такого города нет.

— Да, такого города ещё нет, — согласился мой друг. — Но он обязательно будет. Ведь учёные уже придумали вещество, которое заставляет растения расти гораздо быстрее, и тонкую прозрачную плёнку, под которой они не замёрзнут в любой холод. Ведь помидор и клубника, которые ты ешь, — самые настоящие. Их помогли вырастить зимой мои товарищи, химики. И вот прислали тебе. И дома из стекла и пластмассы тоже уже есть.

Значит, я не всё выдумал.

— Да, — сказал я тогда. — Это очень хороший город, который будет. Я так хочу в нём жить!



Мы плывём на самоходке

Кто говорит — «пароход», кто — «баржа». А это вовсе ни то и ни другое, а самоходка.

На пароход, правда, похоже: из трубы идёт дым и стучит машина. Но у парохода по бокам гребные колёса, а здесь вместо колёс — винт за кормой.

И на баржу похоже: вся палуба ровная, голая и под ней трюм. Только на корме небольшая постройка, совсем как двухэтажный домик. Там — каюты, а сверху — рубка. И в рубке рулевое колесо — штурвал.

Рулевой в рубке нажал кнопку, потянул рычаг, повернул штурвал, и поплыла вперёд не баржа, не пароход — самоходка.

Самый главный на самоходке — капитан. *У* него фуражка с крабом. Его все слушают. Зовут его Фёдор Васильич.

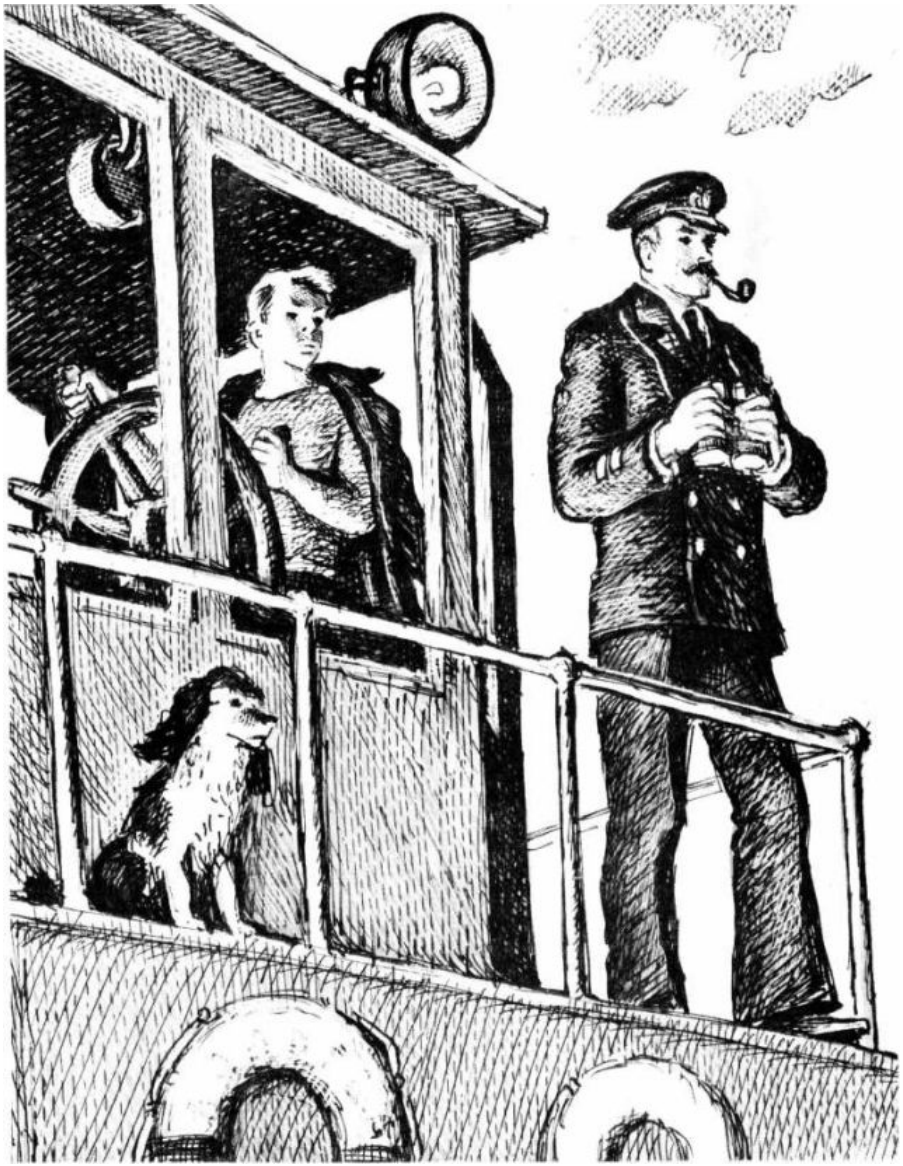
Капитан Фёдор Васильич стоит в рубке и смотрит в бинокль.

Он видит на реке красный бакен и белый бакен. Красный — у правого берега, а белый — у левого. Надо плыть между ними, чтобы не сесть на мель.

— Держать посредине! — говорит капитан, и матрос Толя что есть силы вертит штурвал.

— Да зачем же так быстро? — усмехается Фёдор Васильич. — Ты тише, тише, спокойней! — и незаметно кладёт на штурвал свою руку. — Ничего, я тоже был штурвальным и вот также сначала накручивал зря…

Капитан видит в бинокль деревню на берегу. Там ходят коровы и гуси. Там работает трактор. И ещё там идёт совсем маленький мальчик и несёт в большой корзине грибы из леса. Раньше капитан тоже был маленьким мальчиком. Это было давно, но капитан помнит про это. И ему снова хочется в лес за грибами. Но ведь без капитана нельзя, а надо плыть дальше.



Вдруг впереди стена. Плыть некуда!

А это вовсе не стена, а ворота.

Ворота в реке?

Да, прямо в реке. Только это не обыкновенная река, а канал — его сами люди сделали.

Ворота распахнулись и пропустили нас. А впереди опять стена. И с боков бетонные мокрые стены. Высокие — выше мачты! А позади ворота уже закрылись, и мы как в колодце. Если кто не знает, может испугаться.

Тут зашумело, забурлило, и пошли по воде волны и белая

пена. Стены «колодца» стали быстро опускаться, а наша самоходка подниматься — всё выше, выше. Это в «колодец» пустили воду.

И вот уже можно выглянуть из «колодца», чуть-чуть. И вот уже нет никаких стен, а есть берега и на каждом берегу белая башенка, а между ними… Впереди между ними теперь тоже нет никакой стены: она ушла, опустилась под воду. И можно плыть дальше.

А это был шлюз — речная ступенька. По таким ступенькам суда взбираются вверх и спускаются вниз, из одной реки перебираются в другую. Из Москвы в Волгу.

Волга очень большая. По ней плавает много всего: самоходки, пароходы, баржи. И самые быстрые — суда на подводных крыльях: «Ракета» и «Метеор». Они мчатся так, будто летят по воздуху. Только крылья скользят под водой.

У нас на самоходке есть штурман Дмитрич, помощник капитана. А у штурмана Дмитрича есть друг, который плавает на «Ракете». Когда Дмитрич стоит на вахте, а мимо знакомая «Ракета» проносится, он выскакивает из рубки и кричит:

— Витька, привет! Как живёшь?

Но друг ничего не успевает ответить: «Ракета» уже далеко впереди. Он только высоко поднимает руку. Наверное, он живёт хорошо.

— Вот и поговорили! — доволен Дмитрич; он очень любит встречаться с друзьями.

Потом штурман снова возвращается в рубку и смотрит свою речную карту. На карте нарисована река и где глубоко, где мелко. Мы должны плыть там, где глубоко, потому что у нас груз.

Груз этот — песок. Не обычный песок, а очень белый и чистый. Такой песок нужен для завода. Из него делают стекло. Вот мы его и везём. Он лежит в трюме, а сверху на трюме железная крыша. Эта крыша на колёсиках.

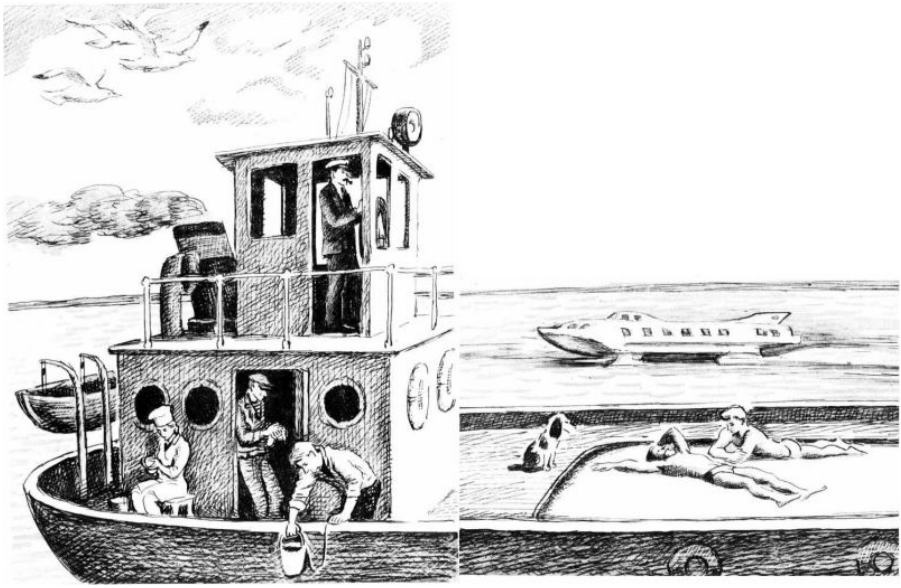
После вахты мы с рулевым Колей сдвигаем крышу вперёд, снимаем рубашки, прыгаем на песок и ложимся на него загорать. Песок тёплый. А сверху печёт солнце. Как хорошо!

Я лежу и спрашиваю Колю:

— А трудно вертеть штурвал? Ведь он такой большой!

— Для того и большой, чтобы не трудно было. Вертеть удобней, — говорит Коля.

Только я всё равно думаю, что Коле потому нетрудно, что у него такие большие, сильные руки. А может, оттого и сильные, что он всё время стоит у штурвала?..



Я спал в своей каюте. Вдруг — трах-бах! Я думал, койка перевернулась, и проснулся. Но она перевернуться не может, потому что привинчена к полу. Посмотрел я в круглое окошко — иллюминатор, а там, за окошком, что-то чёрное ходит, совсем не волна. Выбежал на палубу: кругом темно, даже страшно, только два фонаря в чёрной воде блестят, и мы причаливаем. Но не к пристани, а к большущему какому-то ящику, что возле берега плавает. Пригляделся я: да ведь это же кран! «Плавучий» называется. Вместо крюка у него корзина железная, вроде ковша.

Мы все на борту сгрудились, один рулевой в рубке. — Право подработай! — кричит ему капитан.

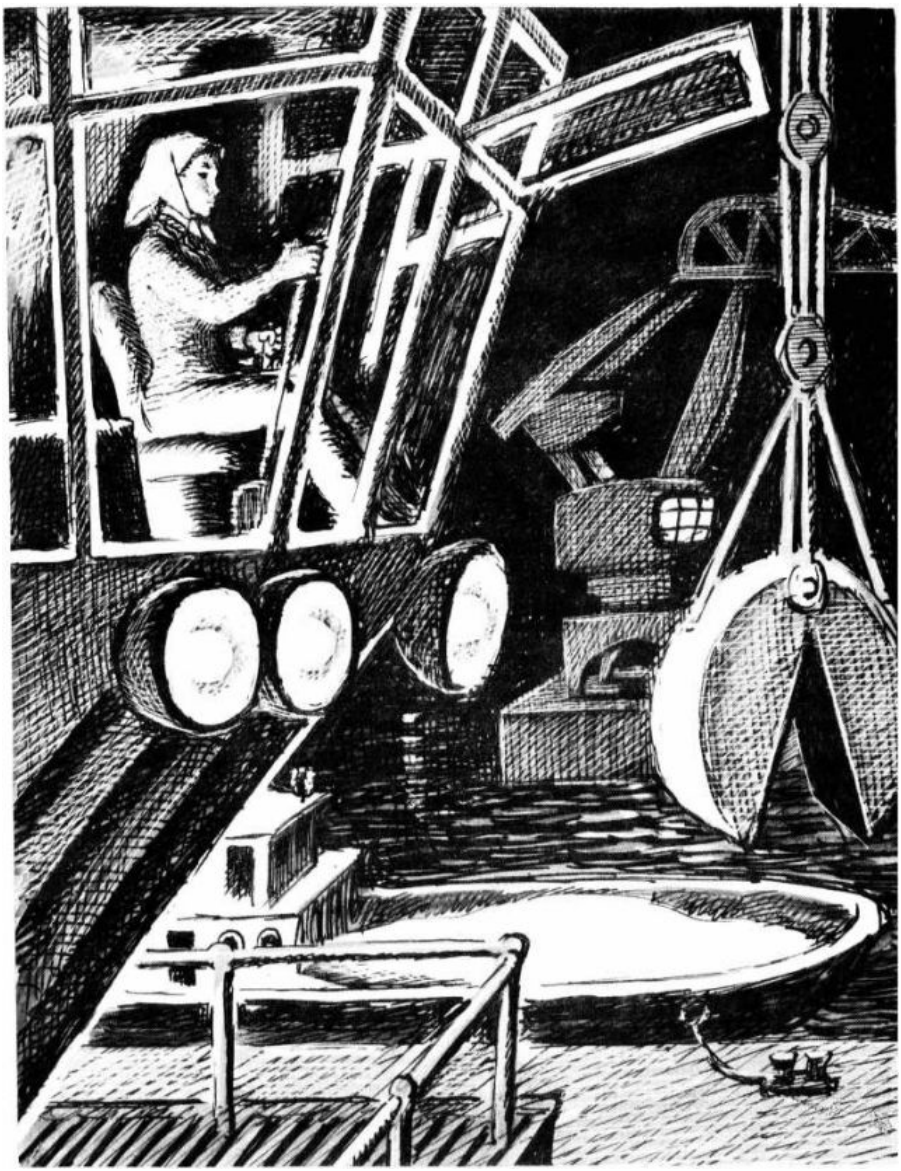
Штурман побежал глубину измерять: не мелко ли?

Ночью причаливать труднее, но всё равно все довольны: приплыли!

Тут мы бросили на кран чалки (это такой толстый канат), а там их замотали вокруг кнехтов (это такие чугунные столбики). Подошли так тесно, что с нашей палубы можно прямо на ящик прыгать, на кран. И кран тоже на месте стоит, на якоре.

Крышу с трюма и вдвоём отодвинуть нетрудно. Но мы кинулись все вместе. Как взялись — разом сдвинули. В ту же минуту сверху что-то большое, чёрное как ухнет в трюм — я так и отпрянул в сторону. А из трюма ковш тяжёлый с песком стал медленно подниматься и куда-то песок в темноту потащил. Потом снова вернулся за песком… Нам стало нечего делать, и мы пошли спать. А кран ещё долго работал, всю ночь, наверное. И в нём окошко светилось. Там, за окошком, сидел человек и руками

двигал железные рычаги.



Утром я увидел на берегу целые горы такого белого, чистого песка. Его очень много нужно, потому что стекла тоже нужно много.

Трюм стал пустым и чистым, и мы поплыли дальше. Но не очень далеко к соседней пристани грузиться. А там уже стояли другие самоходки, и нам велели обождать. Мы стали возле одной баржи. Борт у неё высокий — весь берег загораживает и нам ничего не видно.

Вдруг баржа стала отходить от причала, а за ней башенка открылась, потом будка какая-то. За будкой дом с колоннами и ещё башня, деревья, дома — большой город. А чуть подальше дымят трубы — наверное, завод.

Возле берега купаются мальчишки. Мы тоже решили спуститься на берег. Вода тёплая, песочек. Сейчас полежим, позагораем, искупаемся, как все, — не то что с палубы да в воду. А потом и по городу прогуляться можно.

Стали собираться.

— Постойте! — сказал нам механик Николай Алексеич. — Куда же вы, милые? Не туда, не туда идёте. Сюда нужно машину чистить — вон как дымит.

Пришлось нам всем лезть вниз, в машинное отделение. Спустились мы по железным ступенькам, а там — комната, тоже вся из железа сделана: и пол, и стены. И в ней машина стоит: вся в разноцветных трубках и проводах, такая огромная — до потолка, целую самоходку толкает!

Тут механик нагнулся, нажал на что-то, и всё кругом сразу задрожало и загремело, я даже уши закрыл руками. Это заработала машина. Он ещё повернул какую-то ручку, и сразу стихло.

— Всё понятно, форсунка засорилась, — сказал механик.

Он дал всем работу — кому чистить, кому смазывать. А сам стал какую-то гайку отвёртывать. Отвернул-завернул и снова нажал на кнопку. Кругом опять загремело всё, задрожало. Механик прислушался.

— Вот теперь другое дело, — сказал он.

«Какое же другое? — подумал я. — Как гремело, так и гремит…»

А механик говорит:

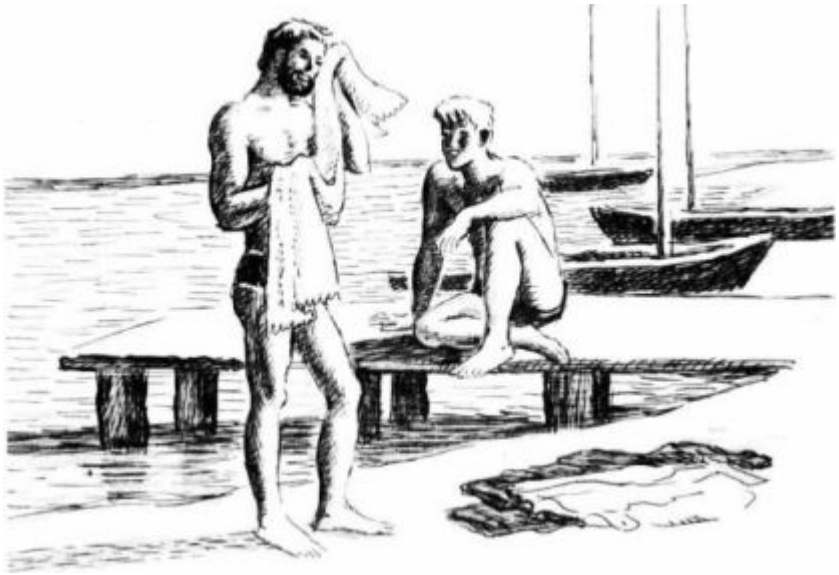
— Толя, ступай погляди дым из трубы: не чёрный?

Толя пошёл и кричит сверху:

— Теперь уже не такой, чище!

Тогда Николай Алексеич прикрикнул на нас:

— Ну, чего стоите, чего загорать не идёте?



На самоходке, как везде, завтракают, обедают, ужинают. Только кухня здесь называется по-морскому — камбуз. А повар тоже по-морскому — кок.

Нашего повара зовут Лида.

Пока мы в машине возились — чистили, смазывали, — Лида успела на берег сойти, на базарчик. Огурцов купила, редиски, луку — подешевле всё выбирала, чтобы денег хватило.

— Толя! — крикнула она с берега. — Рыбы много наудил? А то масло несу — жарить!

…Когда у кока на камбузе сварится обед, кок зовёт нас в столовую, по-морскому — кают-компанию. Мы едим очень хорошо, потому что хорошо поработали. И хвалим кока, а кок даёт нам добавку.

Наконец подошла наша очередь грузиться. К нам в трюм будут класть резину. Мы поплывём с ней обратно в Москву.

Эта резина — шины для автомобилей. Те, что поменьше, — для легковых. А есть совсем огромные — для грузовиков и автобусов. Шины делают здесь, на шинном заводе. А в Москве делают автомобили.

С берега протянули к нам гибкую ленту — транспортёр. Транспортёр движется, и по нему одна за другой едут толстые шины и валятся вниз, в трюм. А там пятеро грузчиков раскатывают их по всему трюму и укладывают ровными

столбиками, чтобы больше вместилось.

Жарко печёт солнце, и грузчикам не легко. Они разделись до пояса, и по спинам их течёт пот и чёрная резиновая сажа.

Мы тоже стали помогать грузчикам.

Я подумал: обязательно, обязательно надо что-то придумать, чтобы им не было так тяжело работать.

В обратный путь мы отплыли ночью.

Ночью на вахте капитан. Трудно стоять ночью: ветер злее, глаза устают в темноте и хочется спать.

Капитан видит впереди сигнальный огонь — белый огонёк и красный. Он знает — это плывёт навстречу танкер с нефтью. Надо уступить дорогу. А если на мачте белый огонёк и зелёный, то просто самоходка. А если один только белый — значит, пассажирский.

Капитан видит: вдали мигает зелёный прожектор. Он знает: это маяк на берегу.

Очень много знает капитан. Он знает: сейчас нельзя спать, а надо хорошо смотреть вперёд. Ведь ночью, когда темно, так легко врезаться в берег, или сесть на мель, или столкнуться с каким-нибудь пароходом. А что тогда будет?

Даже не хочется думать, что тогда будет!..

Ничего не будет, потому что на вахте стоит капитан Фёдор Васильич и зорко смотрит вперёд!

В этой книжке я ничего не придумал. Даже имена не придумал — их на самом деле так зовут, всех-всех: капитана, механика, штурмана, рулевого…

Вот вы сейчас читаете книжку про них, а они в это время плывут по реке. А может, стоят где-нибудь у причала.

Как они сейчас живут?

Куда держат путь?

Что везут в глубоких своих трюмах?

Счастливого им плавания!

Как строили метро

На земле

На земле всюду люди. Настроили домов, городов и живут в них. Работают на заводах, в конторах. Ездят по улицам в трамваях, троллейбусах и на машинах. А если близко — пешком. Пешком-то иной раз быстрее. На колёсах — то объезд, то затор.

Пассажиры нервничают: кто на службу, кто на свадьбу, кто на поезд опаздывает. Подгоняют шофёра: «Скоро там?.. Слева, слева можно объехать!..» Шофёр молчит, слушает, а всё равно не едет: «Слева! Да ведь там другие машины, встречные, сразу авария получится!..»

А уже целая очередь из машин настановилась, длинная, как змея, и не движется. Жди тут, когда доедешь!..

Вон птицы свободно по воздуху перелетают. Пешеходы их не толкают, автобусы им не нужны — хорошо! И то, бывает, какой-нибудь воробей зазевается на лету и вдруг — мах-мах! — затрепещет крылышками: чуть в форточку не угодил, к человеку! Просто ужас, сколько кругом этих форточек!..

Очень много всего на улицах — теснота, суета. А что делать?!

В самых больших городах ещё раньше хватились, когда ни троллейбусов, ни автобусов не было. Там уже и тогда было тесно: люди, лошади, конка, подводы, кареты… Вспомнили: ведь ещё под землёй место есть! Давай под землёй строить дорогу — подземку.

HOM

Разговоры

Сто лет назад радио ещё не было, но газеты уже были. И они немедленно по всему свету разнесли:

> Англичанин Джон Фоулер придумал дорогу прямо под городом, под Лондоном!

Под улицами, домами, магазинами, церквами, под колёсами, ногами — прямо под нами с вами!

Думаете, так сразу все и обрадовались?

— Вот ещё! — возмущались одни. — Людей загонять под землю?! А кто же, извините, в омнибусах станет ездить?

А надо сказать, что автобусов в те времена ещё не знали. И в Лондоне, самом главном городе Англии, пассажиры ездили в омнибусах — неуклюжих двухэтажных каретах, запряжённых лошадьми.

— В омнибусах кто? — переспрашивали те, кто очень уж любил пошутить. — Кошки да собаки.

— Пустая затея, — высказывались самые трезвые и рассудительные. — Всё равно ничего не получится: под землёй же темно, не видно.

Но другие им возражали:

— Ночью тоже темно. Посветить можно фонарём.

В общем, разговоров кругом хватало — в гостях, на улице… И не только в Лондоне — во всех больших городах, во всём мире. Каждый, кому не о чем было говорить, рассуждал о подземке.

— Ах, а вдруг оно там обвалится? — испуганно вскрикивала барышня, нарисованная в одном старинном журнале. — Ни за что не полезу под землю!.. (Будто её насильно тащили вот прямо сейчас.)

— Интересно, а как они станут копать? — озабоченно спрашивал молодой человек, нарисованный рядом с этой барышней.

А возле них на картинке был ещё старичок в пенсне и сбоку приписаны слова, как будто он говорит:

— Не знаете, как станут копать?.. Кротов напустят — кроты всё, что надо, и выроют.

Это он тоже так шутил, посмеивался над подземкой.

Дыму много — толку мало

Значит, главное — прорыть под землёй длинные коридоры — туннели, а по ним…

Что по ним?.. Лошадь с омнибусом ведь под землю не затолкаешь!

Нашли всё-таки выход. Строить первую в мире городскую подземную дорогу в Лондоне взялась известная столичная компания, которая называлась «Метрополитен». И с тех пор все городские подземки во всех городах стали звать метрополитенами. А если сокращённо — метро.

Только, пожалуйста, не путайте эту компанию, «Метрополитен», с веселой и дружной компанией ребят. В «Метрополитене» собрались люди взрослые, деловые. Среди них были опытные инженеры. Они уже давно прокладывали дороги, только по земле, сверху. Не простые дороги, а такие, где шпалы да рельсы да по рельсам вагоны катятся. «Вот такая же дорога нужна и под землёй, — решили инженеры. — Железная дорога!»

А железная — это значит, нужны большие туннели, чтобы вагонам за стенки не цепляться. Нужны просторные станции, куда прибывать поездам, и платформы для пассажиров. Нужны светофоры-семафоры, вода и уголь, да и мало ли чего ещё нужно!

Люди будто и правда превратились в кротов: целые горы земли из-под земли выгребали. А туда, вниз, под землю, шло всё: брёвна, доски, цемент, молотки, топоры, лопаты, пилы, фонари, проволока, рельсы, вёдра, верёвки. Наконец, когда туннель был

готов, туда опустили настоящие вагоны и два чёрных больших паровоза.

И вот через три года первые пассажиры покатили по лондонской подземке.

— Ну как? Расскажите! Понравилось? — обступили одного из счастливчиков, который только что прокатился и вышел со станции.

— Да́ уж, — отвечает, — понравилось: дыму хватает!..

Скоро всем стало ясно: под землёй на паровозах особенно не поездишь, не покатаешься. От угля — грязь, от дыму — копоть, а воздуху кругом мало, и дышать совсем нечем.

Как только появилось электричество, лондонцы свою паровозную подземку стали переделывать на электрическую.

С тех пор на свете проложено много подземных дорог и все — электрические.

У нас в стране таких дорог раньше не было, а теперь они есть в Киеве, в Харькове, в Ленинграде, в Тбилиси… А самая первая из них построена в столице, в Москве.

Туннель

А как же они всё-таки не заблудятся под землёй — те, кто строит туннель? Откуда знают, в какую сторону копать?

Дело давнее, сам не видел, мне про это рассказывали.

Прокладывали как-то железную дорогу по земле, сверху. И на пути встретились горы — всё загородили собой. Одна — пониже, другая — повыше, а были и такие, что на их вершинах даже летом не таял снег. Вот какие высокие!

Поезд по горам ехать не может. Ему нужно, чтобы везде было ровно. Вот и старались люди, где можно, обойти гору, где можно, срыть. А если попадались между гор глубокие ущелья, то их засыпали землёй или строили над ними мосты.

Но вот железная дорога подошла к самой большой и высокой горе. Такая она вся огромная — её и не обойти, и не срыть.

Приехали инженеры, поглядели в какую-то трубочку на подставке, посчитали в своих тетрадках. И вот что они сказали:

— Нужно эту гору насквозь прорыть. Тогда получится туннель и по нему пойдут поезда.

Экскаваторов и других машин, как сейчас, тогда ещё не было, всё приходилось делать вручную. Так народу наехало! Облепили гору кругом, как муравьи муравейник, ломами ломают, лопатами, копают, тачками землю отвозят. Всю гору исковыряли. А работа всё равно еле двигалась. Потому что внутри гора оказалась до того твёрдая — прямо каменная. И этот камень можно было

только железными молотками — кайлами долбить да взрывчаткой взрывать.

Тогда самый главный и опытный инженер велел копать туннель с двух сторон сразу: навстречу друг другу. И дело пошло быстрее.

Но некоторые люди ему не поверили. Они говорили:

— Как же это можно — копать сразу с двух сторон? Ведь если мы друг друга не видим, то мы разойдёмся под горой, и все труды пропадут зря.

А другие повторяли за ними:

— Лучше копали бы только с одной стороны: так хотя и медленнее, зато наверняка.

— Нет, — сказали им инженеры. — Мы всё рассчитали верно. И ещё раз проверили. Двигайтесь вот в этом направлении, куда показывает прибор, и туннели сойдутся.

И все работали очень много и хотели скорее сделать этот туннель.

Но однажды один из тех, которые не верили инженерам, сказал:

— Я измерил длину туннеля шагами с одной стороны горы и с другой. Если бы мы шли правильно, то давно уже встретились бы.

И тут многие люди тоже стали шуметь, что они идут неверно и что не нужно больше работать.

Тогда самый главный инженер сказал очень громко, чтобы все слышали. Он сказал всем:

— Вы сделали уже очень много, почти весь туннель. Осталось работы ещё на один день. Неужели вам не будет стыдно, если вы сейчас бросите дело?!

И все согласились. Ещё на один день. И работали так хорошо, что уже через полдня прорыли всё, что нужно.

Оба туннеля встретились, так что получился один очень длинный туннель. Сверху над ним была огромная гора, выше облаков. А в середине этой горы люди обнимали друг друга, поздравляли и смеялись от радости.

А про тех, кто раньше не верил, все забыли. Потому что им и самим было стыдно.

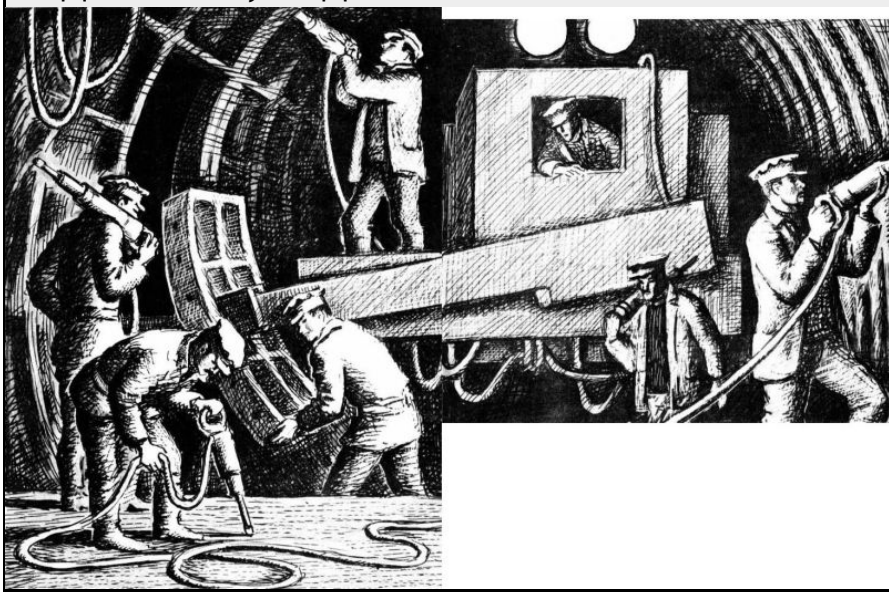
Теперь вы, может быть, спросите: а что за волшебная трубочка на подставке была у инженеров? Неужели она умеет видеть даже сквозь толстую гору?

Нет, никакая она не волшебная! А это просто такой прибор, называется — теодолит. Трубка у него и правда очень зоркая, совсем как подзорная труба. А что видит насквозь — чепуха! Зато если с этим теодолитом обойти кругом горы, то трубочка из

любого места укажет прямо туда, где прибор с самого начала стоял. И очень даже точно. Хотя через гору и не видно.

Вот и в метро, когда копают туннель под землей, то и дело смотрят в трубку теодолита: правильно ли идём, не сбились ли?

Под землей, под Москвой



На земле — город Москва.

Под землёй, под Москвой, — Московское метро.

Город у нас большой, а всё равно не устаёт расти, строиться.

И под землёй тоже нельзя отставать: людям нужны новые дороги, новые станции.

А как же его прокладывают, наше метро? Неужели, как прежде, кайлами бьют да лопатами копают? Неужели обыкновенными брёвнами подпирают туннель, чтобы не обвалился?

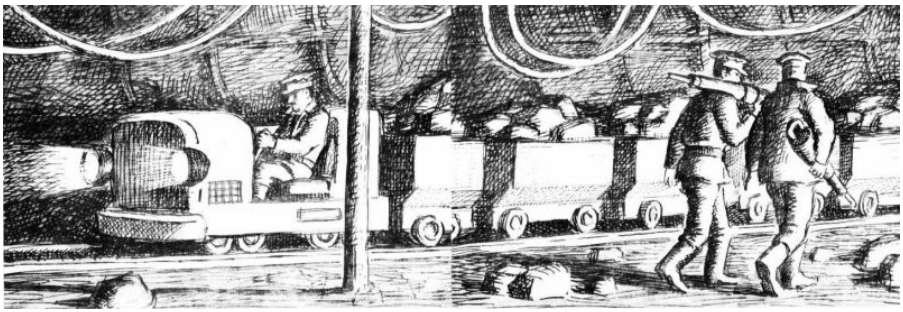
Я шёл по улице, по городу. Было раннее утро. Вместе со мной по улицам двигалось много людей — все спешили на работу. Кто входил в двери больших каменных зданий, кто — в проходные заводов. А один из домов был совсем не велик — двухэтажная круглая башенка. Но люди в неё входили и входили… Где они там помещались? Прямо как под землю проваливались!..

И верно, под землю. Только не проваливались, а плавно спускались в клети. Это такой подъёмник, вроде лифта. И он ходит вверх-вниз внутри ствола. А ствол — это такой колодец, очень глубокий. Начинался этот колодец в башенке, там и ходила клеть.

Я тоже зашёл туда и спустился вместе со всеми под землю.

Сверху, над землёй, солнце так и жарило. А здесь была прохладная тень, словно в погребе или в глубокой пещере. Только стены «пещеры» все железные — огромная такая труба из железа,

из чугуна. Это был готовый туннель метро. В трубе-туннеле светили электрические лампочки и по узеньким рельсам откуда-то двигались вагонетки с песком и глиной. Их тащил за собой чёрный, как жук, электровоз.



Я подумал: железная — это чтобы земля не обваливалась, чтобы прочно. Но как же её затолкали под землю, толстенную эту трубу?

Я пошёл навстречу вагонеткам. Там ещё только прокладывали туннель. Там стояла машина, похожая на экскаватор, и она прогрызала в земле подземный ход.

А другая машина, погрузчик, подбирала за ней ненужную землю, нагружала землёй вагонетки.

А ещё у одной машины была рука, совсем как живая, даже с пальцами. К этой машине подъехала вагонетка с грузом. Рука опустилась, взяла из вагонетки какую-то кривую и толстую железяку и подняла вверх. Она приложила эту железяку прямо к подземной стене, где другая машина только что прокопала туннель. Тут я пригляделся и заметил: «Вот оно что! Вся эта огромная чугунная труба была не сплошная, а сборная: она была собрана из таких железяк, из кусочков. И значит, вовсе не нужно было заталкивать её сюда целиком…»

Возле машин работали люди, шахтёры. Они были в резиновых сапогах и пластмассовых касках. Сапоги — потому что внизу было сыро, вода. А прочная каска вот зачем: кругом земля, железо и камни. Каской ударишься, а голова и не почувствует.

Шахтёров было совсем немного. Они управляли машинами — ведь машина сама ничего не знает, не умеет. И надо её направлять кнопками, рычагами. По толстым резиновым шлангам в машины бежал сжатый воздух, по проводам — электричество. Воздух и электричество давали машинам силу.

А один шланг тянулся к совсем небольшому инструменту, вроде отбойного молотка. Рабочий приставил этот инструмент к толстой железной гайке — такими болтами и гайками скреплялись между собой кусочки, из которых собирался туннель.

Он нажал кнопку, и гайка завертелась как бешеная — завертелась и завинтилась. До отказа, крепко. Я не стал спрашивать, что это за инструмент, сам догадался, это был гайковёрт, он гайки завёртывал. Рабочий только приставлял его, куда надо, и нажимал на кнопку.

Воздуху было тесно в резиновых шлангах, он вырывался и шипел. Моторы гудели. Железо гремело и лязгало. И вдруг всё затихло.

Это был перерыв, обед. Все пошли в столовую. Столовая здесь же, в туннеле, под землёй. Шахтёры ели за столиками горячий суп и котлеты. И разговаривали. Во время работы не поговоришь: всё равно не слышно — так машины гремят! Да и некогда.

Один старый шахтёр, который управлял машиной-рукой, сказал мне:

— Когда начинали метро в Москве, совсем не так было: людей под землёй было много, а машин мало. Трудно приходилось. Я тогда вагонетку возил вручную. Маленькая, как детская ванночка на колёсиках, а тяжёлая. Теперь по-другому: электровоз подцепит сразу десяток вагонеток и катит!

Как победили плывун

Шахтёры-метростроевцы прокладывали туннель. А сверху над ними была обыкновенная улица: стояли дома, играли во дворе ребятишки, проезжали по мостовой автомобили и троллейбусы.

Метростроевцы давно уже привыкли к тому, что всюду под землёй подземная вода — то каплет, то прямо ручьями течёт. Они работали в непромокаемой одежде и старались не замечать, что вода. Но воды в шахте всё прибывало, насосы с трудом поспевали её откачивать. Земля в этом месте была — сыпучий песок, и этот песок, как губка, напитан водой.

Это только кажется, что в песке копать легко. Метростроевцы говорят: лучше уж в твёрдом камне-известняке, лучше в глине. Потому что глина и камень — прочные, надёжные, а мокрый песок раскиснет и плывёт под землёй. И его, этот плывун, ничем не остановишь. Так и называют песок с водой — плывуном.

Метростроевцы работали очень осторожно: они знали, что рядом затаился плывун. Они укрепляли стены туннеля толстыми чугунными плитами, из которых получалась сплошная труба. Немножко прокопают и сразу же ставят плиту. Сквозь чугунные стены плывуну не пройти.

И всё же песок с водой ворвался в туннель. Ворвался оттуда, где ещё только копали, где было открыто.

Плывун полз и полз в шахту, растекался, как грязный кисель.

Шахтёры принялись работать скорее, пока всё кругом ещё не затопило. А мокрый этот песок только пошевели — он ещё хлеще идёт.

Вдруг сверху, с земли, пришёл приказ: «Остановить работу! Все из туннеля!»

Кинулись шахтёры к клети. Клеть подняла шахтёров наверх, на улицу. Смотрят, а посреди улицы яма на мостовой. Раньше её не было, совсем новая яма, даже ещё шевелится по краям. Поняли метростроевцы, что случилось: плывун ворвался в туннель, а они давай его выгребать. Под землёй получилась пустота, пещера, вот улица в эту пещеру и провалилась.

Глядят — уже и не яма, а ямища, целый автобус влезет. Но только автобусы больше не едут по улице, и вообще никакие машины не едут. Где тут проедешь — яма!

Рядом стоит дом, в нём люди живут. Во дворе мальчишки гоняют в футбол. Вдруг земля начнёт под домом проваливаться — что тогда?

Бросились в дом — людей из него выводить. А те, как спросонья, не поймут: «Отчего? Почему?» — «Ладно, потом

объясним, скорей уходите! Дом может треснуть, стена!..» Побежали все, через минуту никого не осталось в доме.

Тогда метростроевцы привезли специальные холодильные машины и длинные тонкие трубы.

Забили эти трубы в землю и пустили по ним холод, мороз, как зимой. Заморозили плывун. Такой плывун уже не поплывёт, он прочный. В нём и проложили туннель.

А яму засыпали, мостовую исправили. Сейчас там, как прежде, по улице ездят автомобили, в доме живут люди, а глубоко под землёй, под ними, проносятся поезда подземки — метро.

Голубые поезда

Мчатся под землёй в туннеле голубые поезда метро. Мчатся так быстро, как только могут, от станции к станции, от станции к станции. Здесь им никто пути не перебегает, никто не мешает под носом. И сами поезда тоже никому не мешают: ни троллейбусам, ни автобусам, ни пешеходам. Можно мчаться, дорога свободна!

Станция. Остановка. Двери зашипели и сами отворились, двинулись. Это их раздвинул сжатый воздух. Кому надо — выходят, кому надо — заходят в вагон, усаживаются на мягкие кожаные диваны. «Осторожно, двери закрываются!» — объявляет по радио машинист. Двери тут же послушались и затворились: ведь с открытыми ехать нельзя.

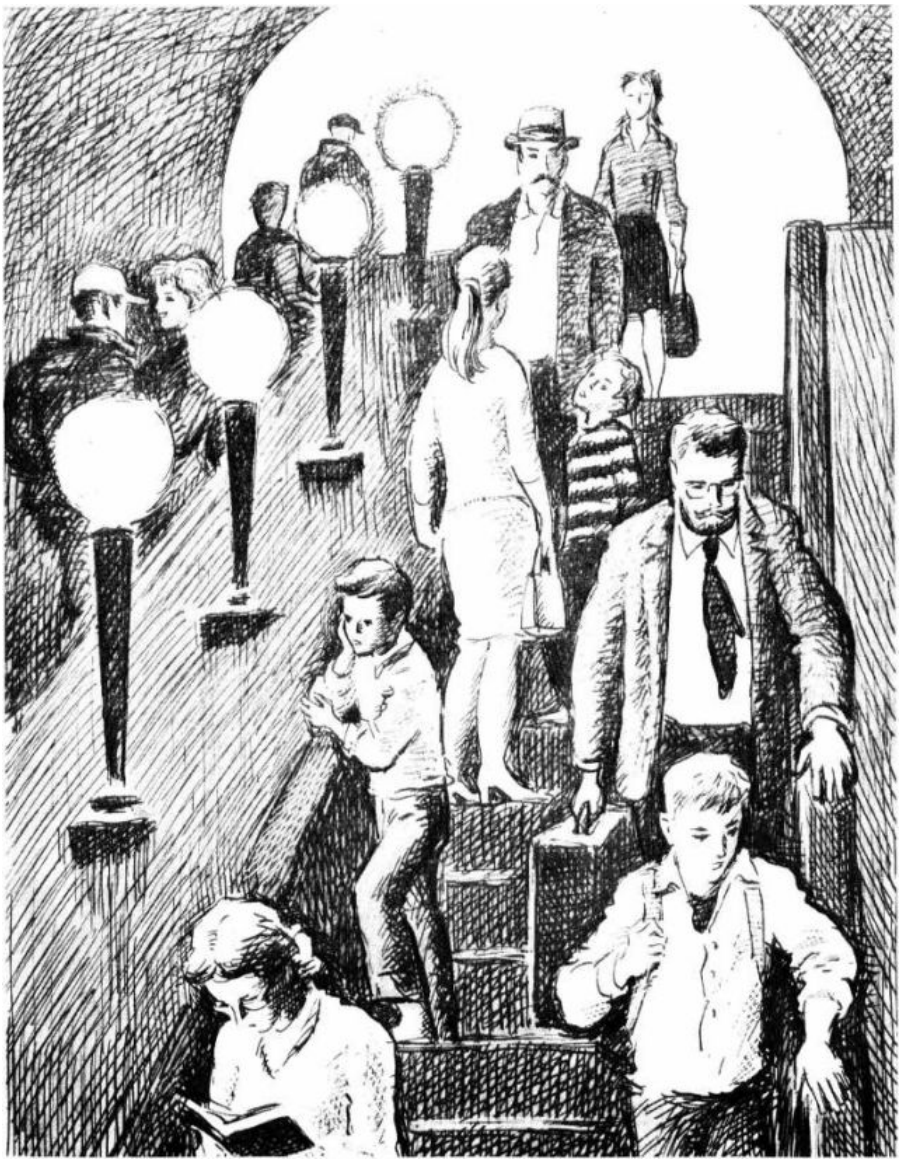
Ко мне приезжал товарищ из другого города. С дороги дал телеграмму. Я поспешил на вокзал встречать его.

Возле вокзала железной дороги — станция метро. Сверху буква «М» — красивая, большая, чтобы издалека было видно. Вечером, в темноте, она светится красным электрическим светом.

Мы вошли, протянули билетики, поехали на эскалаторе вниз.

Эскалатор — такая лестница, которая движется. По ней можно и не ходить, а просто стоять на ступеньках — они сами привезут куда нужно: на подземную станцию, к поездам.

Я каждый день езжу в метро, а мой товарищ — впервые. И он всё удивлялся: «Что за лестница наоборот: мы стоим, а она едет?» Стоял, стоял да зашагал по лестнице вниз. Лестница едет, а мы по лестнице идём — ещё быстрей получается.



В поезде он спросил:

— Далеко ли нам ехать?

— Да не очень далеко, — отвечаю я, — всё же отсюда не видно: ведь я живу на другом конце города. За Москвой-рекой.

Он ещё про что-то спросил, я про что-то ответил, а тут — пора выходить, наша станция.

— Разве это далеко? — не поверил он. — Разве мы где-нибудь через реку переезжали? Я и не заметил.

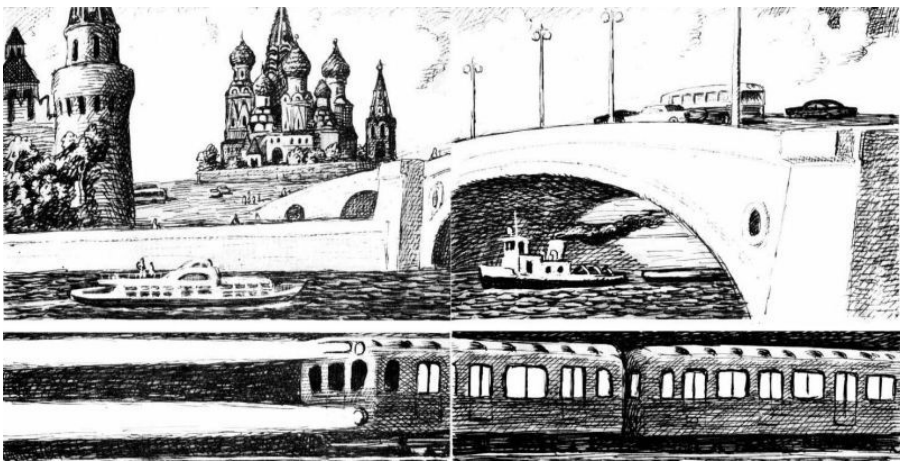
Я тогда засмеялся:

— Никто не заметил. Потому что река хотя и глубокая, а туннель ещё глубже проходит, под самым речным дном.

— Вот так здорово! — сказал тогда он. — Мы ехали под рекой, а может быть, в это самое время над нами проплывал пароход?

— Может быть, — сказал я.

И вдруг мне тоже стало так интересно, будто я в метро в первый раз. И я подумал: «Над нами Москва-река, а ведь над рекой — мосты. И значит, над нами, может быть, проплывает сейчас пароход, над пароходом, может быть, мост, а по нему ещё и машины едут… Сколько же над нами всего!»



Тут эскалатор поднял нас наверх, и мы увидели широкую улицу. Там стояли большие дома. Там проезжали троллейбусы, автомобили. Ещё там росла трава и деревья на газонах, и ходили люди. И никому не было тесно, никто никуда не опаздывал. Потому что в глубоких туннелях мчались не видимые отсюда голубые поезда метрополитена.

45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»